

НАЦИИ И ЭТНИЧНОСТЬ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ЭТНИЧЕСКИЕ, ПРОТОНАЦИОНАЛЬНЫЕ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ:
формирование
и репрезентация

Сборник статей

**Нации и этничность
в гуманитарных
науках. Этнические,
протонациональные и
национальные нарративы.
Формирование и репрезентация**

«Алетейя»

2017

УДК 39
ББК 63.5

Сборник статей

Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы.
Формирование и репрезентация / Сборник статей —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-98-9

Издание включает в себя материалы второй международной конференции «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация» (Санкт-Петербургский государственный университет, 24–26 февраля 2015 г.). Сборник посвящен многообразию нарративов и их инструментальным возможностям в различные периоды от Средних веков до Новейшего времени. Подобный широкий хронологический и географический охват обуславливается перспективой выявления универсальных сценариев конструирования и репрезентации нарративов. Для историков, политологов, социологов, филологов и культурологов, а также интересующихся проблемами этничности и национализма.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-906860-98-9

© Сборник статей, 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
I. Этнические нарративы в Средние века и раннее Новое время	12
Гэлы шотландской Дал Риаты: метаморфозы этнического сценария	12
Сакрализация терминологии власти у тюрков раннего Средневековья в Центральной Азии	21
German, Roman and Frankish: the national narratives of the early Hohenstaufen era (1138–1190) and their Influence on high Politics	27
Гуситские грамоты и их перевод в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: распространение протонационального дискурса	33
Национальное и корпоративное в нарративах раннестюартовских цивилистов XVI–VII вв.	39
Nationhood and Ethnicity at the Frontier: A Study of Western Hunan from Pre-modern to Early Modern China	47
О «главном мифе» национальных историй (домодерные этнонациональные общности)	52
II. Вариации национализма: политические и конфессиональные координаты	58
Идея патриотизма и ее итальянские истоки[142]	58
Языковой и этнокультурный фактор в	64
Поиск национальной идентичности в дискурсе каннадских интеллектуалов 1950-х–0-х гг	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация

Nations and ethnicity in humanities and social sciences. Ethnic, protonational and national narratives: formation and representation / ed. by A. Ch. Daudov & S. E. Fyodorov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2017. – 398 p.

The symposium comprises the collection of the materials of the second international conference “Ethnic, protonational and national narratives: formation and representation” (Saint Petersburg State University, February, 24–26, 2015). The symposium is dedicated to a variety of narratives and their instrumental capacities in different periods, from the Middle Ages to Contemporary history. Such chronological and geographical scope is due to the possibility of identifying of the universal scenarios of constructing and representing narratives.

The materials of the conference will be of interest to historians, political or social scientists, philologists and scholars of the cultural studies as well as those who are concerned with the issues of ethnicity and nationalism.

© Коллектив авторов, 2017

© Ф. Е. Левин, С. Е. Фёдоров, составление, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Второй сборник “Нации и этничность в гуманитарных науках” включает в себя материалы конференции “Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация”, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 24–26 февраля 2015 г. Конференция была посвящена многообразию нарративов и их инструментальным возможностям в различные периоды.

Необходимость изучения этнических, протонациональных и национальных нарративов объясняется тем, что они дают уникальный срез имплицитно существующей или же существовавшей реальности, открытой для историко-культурного, социального и политического анализа. В первую очередь представленные материалы отражают уровень современной интерпретации европейского материала, однако открывающаяся таким образом перспектива интеграции теоретических и практических наработок европейских исследований в более широкий контекст с использованием их в качестве матриц для изучения явлений в других регионах видится вполне реальной. Не менее очевидной представляется также возможность выявления универсальных сценариев конструирования и репрезентации нарративов, что доказала проведенная конференция.

Известно, что в Европе наиболее ранние варианты подобной реальности во многом определяются образующими ее первичную структуру мифологемами, функции которых связаны с задачами легитимации соперничающих или же претендующих на господство династий. Такие мифологемы скрепляют в единое целое ориентированное на вполне конкретные формы сначала этнокультурного, а затем этнополитического единства повествование о происхождении народов, их военных лидеров, а также исконно или же позднее принадлежавших им территориях. При этом локальная фрагментация таких нарративов выступает в качестве обязательного и неотъемлемого условия. Позднее под влиянием распространяющегося христианства, но все еще в пределах традиционалистски организованных сообществ, в стратегиях репрезентации исторического прошлого этнических групп усиливаются универсализирующие тенденции, а схема позиционирования отдельных этносов усиливается благодаря воздействию библейского субстрата.

В эпоху раннего Нового времени инструментальная база такого рода нарративов критически переосмысливается. Процесс начальной профессионализации исторического знания (антикварно-эрудитский дискурс) дезавуирует значительную часть мифологического прошлого народов, заметно рационализирует и упорядочивает его культурные доминанты. При этом коренным образом видоизменяется собственно потестарный сюжет повествования, акцентируется не столько его протодинастический, сколько территориально ориентированный характер: монархия определяется лишь как одно из средств, обеспечивающих определенный тип этнополитического единства, но не как его наиболее оптимальная форма.

Процесс деперсонализации верховной власти, начавшийся в раннее Новое время, во многом провоцирует последующие изменения в этнически ориентированных нарративах, обеспечивая тем самым постепенный переход к национальному историописанию. Превращаясь из патримониального владения в институт, монархия становится предвестником и на тот момент наиболее ранней формой нового государства.

Этносам, буквально «заточенным» под интересы подобного государства, историописание стремится придать особенный структурообразующий характер. При этом важным остается то, что выстраиваемый таким образом эпохалистский дискурс не только допускает, но и в известной степени предполагает этнокультурный плюрализм. Политическая (государственная) лояльность раннего Нового времени не исключает характерного для Средневековья языкового и иного рода культурного многообразия. Собственно формируемая при

этом «политическая нация» не означает, что границы между отдельными этносами насильственно стираются. Эпохалистски ориентированный нарратив сосуществует с эссенциалистски сконструированными нарративами; при этом инструментальная база и часть ресурсов каждого из дискурсов остаются достаточно близкими.

Вплоть до эпохи романтизма среди эпохалистски ориентированных дискурсов исторические нарративы, направленные на обоснование политического единства проживавших на обособленной территории этносов[^] сохраняли монопольное положение. Понятие «политическая нация» оставалось одной из наиболее устойчивых идеологем нового государства.

Ситуация начинает кардинальным образом меняться, когда романтики предпринимают масштабный проект, известный как повторная аккультурация. Акцент на неоспоримом культурном единстве входящих в состав «политической нации» этносов существенно видоизменил характер перестраивающихся эпохалистских нарративов. Характерное для этой эпохи представление о так называемой «культурной нации» способствовало не только постепенному стиранию традиционных границ между этносами, но и потере интереса самого государства к эссенциалистски ориентированным практикам. Рождающееся таким образом представление о «новой» нации предполагало как ее политическое, так и культурное единство.

Превращение концепта «культурная нация» в одну из двух важнейших идеологем перестраивавшегося подобным образом государства во многом завершал процесс интеллектуального переосмысления природы традиционных этносов, нацеливая собственно эпохалистский дискурс на идею национального единства. Исторический нарратив, традиционно разводивший, но, как известно, не противопоставлявший этнополитические и этнокультурные процессы, терял свое инструментальное преимущество, не переставая быть одним из наиболее востребованных ресурсов.

Национальное, осмысленное как политическое и культурное единство, почти неизбежно расширяло инструментальные возможности ориентированного на интересы государства дискурса и в этом смысле обуславливало необходимость создания новых форм национально ориентированных нарративов.

Материалы конференции разделены в сборнике на шесть тематических разделов, связанных с различными проблемами изучения нарративов: «Этнические и протонациональные нарративы в Средние века и раннее Новое время», «Вариации национализма: политические и конфессиональные координаты», «Способы восприятия. Нарративные стратегии: художественная литература, искусство», «Проблемы протонационального и национального историописания», «Проблемы коммеморации», «Образ врага и образ другого».

Необходимо отметить, что сборник лишен понятийного ригоризма, присущего изучению таких феноменов как нация, этничность и национализм, и имеет скорее эмпирический характер. Именно региональное разнообразие материалов конференции позволяет осознать, какими близкими могут быть проблемы исследований, отдаленных во времени и пространстве.

К единственному разделу с нарочито хронологической составляющей относятся «Этнические и протонациональные нарративы в средние века», что и неудивительно в связи с тем, что ядро исследовательского проекта «Historia Nationem Gignit» все же составляют медиевисты. Собранные материалы посвящены не только отдельным сюжетам из средневековой европейской истории, но и азиатской тематике. Корни, по крайней мере, европейского нациогенеза эпохи Модерна следует искать именно в средних веках, когда зарождались мифологемы будущих национализмов.

Содержащиеся здесь материалы раскрывают по разному роль нарративов в средние века: дискурс власти (Федоров, Суловски, Фукалов, Паламарчук), повествование о прошлом (Наумов), управление сообществами как организованное высказывание (Пен). Статьи И. Фукалова, В. Суловски и Л. Пен показывают, что этническое еще в средние века в различ-

ных регионах могло быть инструментализировано с целью формирования дискурса власти. Суловски и Пен показывают, каким образом власть через интеллектуальные элиты может использовать консентуальный дискурс в целях управления полиэтническими образованиями.

Легитимация династии Штауфенов, о которых пишет В. Суловски, проходила через линии римской, франкской и германской идентичности. Обращение к тому или иному элементу обуславливалось конкретной ситуацией, поскольку консентуальность предполагает возможность переключения. В статье Л. Пен рассказывается о том, как императорские элиты пытались включать южные районы Китая в свою орбиту влияния. Интегрируя местные сообщества в гражданское управление, китайским правителям удавалось сохранять их под контролем, при этом не нивелируя локальные различия. Путем такого имперского строения формировалась идентичность тех, кто противостоял центральному правительству и тем самым воспринимался не как часть сообщества, а как пограничная общность. Таким образом, категоризирующий дискурс власти позволил создать новую общность, каковым и стал хмонг в процессе их взаимодействия империей.

На примере разных периодов и регионов С. Федоров и А. Паламарчук анализируют композитарность Британского острова, которой на конференции был посвящен отдельный круглый стол. С. Федоров на основании изучения генетических легенд о Дал Риате приходит к выводу о возможном композитарном характере данного этнического образования. Помимо этого, автор статьи реконструирует, каким образом эволюционировала легенда о заселении Дал Риаты, изложенная в «Истории народа скоттов». В центре внимания А. Паламарчук – нарративы цивилистов в первой половине XVII в., в которых излагалась история английского права и доказывалась роль гражданского права как посредника в процессе интеграции композитов.

Н. Наумов и А. Овчинников рассматривают этноопределяющую роль религии в домодерных обществах и приходят к разным выводам. Н. Наумов полагает, что гуситский этноконфессионализм повлиял на протонациональные аспекты в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке, в то время как А. Овчинников выражает скепсис по поводу того, что религия могла влиять на самосознание народов в средние века. Основываясь на изучении историографии этногенеза татар, автор предостерегает нас от навязывания прошлому логики модерна, коей является национализация религии. С его точки зрения, вопреки различным домыслам, мы не сможем найти унифицированную мусульманскую культуру у средневековых татар.

Во втором разделе «Вариации национализма» представлены исследования, в первую очередь, политических и конфессиональных координат данного явления. Если некоторые статьи связаны с отдельными текстами (М. Юсим, А. Даркина), то в остальных нарратив предстает как организованное высказывание, если речь идет о политических процессах. Как нельзя кстати, раздел начинается с работы М. Юсима об итальянском патриотизме в XVI–XVII вв. Он усматривает корни патриотизма в раннем Новом времени и считает, что республиканский оттенок итальянского патриотизма повлиял на риторику войны за Независимость США и Французской революции. Работа П. Осколкова посвящена истории фламандской национальной идеи и раскрывает роль языка как фактора формирования национальной идентичности.

К. Еременко пишет о достаточно уникальном кейсе Канады, когда констатация кризиса идентичности может приводить к ее реактуализации и обновлению. В статье А. Баранова речь идет о конфессии как факторе идентичности и о перспективе формирования единой мусульманской нации (уммы) по примеру Ирана. Таким образом, в отличие от секулярных процессов нациогенеза в Европе, в арабских странах эти процессы имеют религиозный характер.

Проблеме русского национализма на разных этапах его истории посвящены материалы А. Панченко, Н. Славнитского, А. Даркиной и Р. Бараш. Из статей первых трех авторов становится очевидно, что русский национализм не успел сложиться в период существования Российской Империи в связи с отсутствием консенсуса как среди управленческих, так и среди интеллектуальных элит, что, безусловно, повлияло и на неудачные попытки его реставрации в постсоветское время. А. Панченко на примере имперской этнографии показывает, каким образом Российская империя пыталась репрезентировать свое этническое многообразие. Сосуществование двух парадигм – одной – основанной на русификации и лояльности населения, другой – на подчеркивании особенности подданных народов империи, было связано с тем, что государство само не могло решить, что оно собирается строить: империю или национальное государство. Н.Славнитский подчеркивает, что русский национализм был ограничен крупными городами и не нашел понимания среди масс, остававшихся православными.

Неопределенность русского национализма, как и понятие «русский» остается актуальным и по сей день, о чем идет речь в статье Р. Бараш, анализирующей дискурс о «русском вопросе» в современной российской действительности. Н. Славнитский пишет, что под «народом русским» во второй половине XIX в. понималось совокупность подданных империи. Языковые игры в «русское» не прекратились и поныне. Бараш считает «русскость» показательным примером «этничности без групп», понятия Роджерса Брубейкера. «Русскость» превратилась в эластичный термин, лишенный аналитического содержания, который используется в угоду той или иной политической конъюнктуре. Так же эластичны и маркеры принадлежности к русским: это либо язык, либо принадлежность к культурному пространству, либо кровное родство.

Третий раздел «Способы восприятия. Нарративные стратегии» состоит из разноплановых работ в области преимущественно истории литературы. Гендерная проблематика затрагивается Х. Бао и И. Буровой в их анализе средневековой английской литературы, функционировавшей в средневековом мужском мире. С. Башли исследует «миф прогресса» в зарождающейся турецкой национальной литературе и акцентирует внимание читателей на изменчивости в процессе формирования идентичности, когда противоречивые элементы с течением времени группируются по-разному по отношению друг к другу, тем самым претерпевая трансформации.

В статьях Е. Самушкиной, Т. Краюшкиной и Н. Трухан речь идет о фольклоре как выражении культуры этноса. Краюшкина и Трухан анализируют образ врага в русских народных сказках и сказках хантов и приходят к выводу, что их представления присущи языческому мировосприятию. Самушкина на примере истории Ойротской автономной области показывает, каким образом в советской национальной политике конструировалось этническое/национальное. Проблема конструирования образа национальных героев и его рецепции в различных нарративах рассматриваются И.Бариновым (историософия), И.Джафарова (газеты) и Е.Болашенко (банкноты).

Последние два раздела так или иначе посвящены феномену коллективной памяти и его поддержанию при помощи нарративов. В разделе «Протонациональное и национальное историописание» анализируются динамика представлений о прошлом и дискурсивные стратегии его описания. Также оценивается влияние построений интеллектуальных элит на последующие процессы в Западной и Восточной Европе. Общий тезис, пронизывающий опубликованные материалы, заключается в том, что до-модерное историописание являлось формой сохранения памяти и средством легитимации настоящего путем прошлого, а нарратив как высказывание о прошлом являлся рычагом ее управления. Ф. Левин и Д. Алимов на примере периферий европейского пространства – Ирландии и Хорватии – показывают, каким образом уже господствовавшие образы прошлого систематизировались и ре-актуали-

зировались интеллектуалами и приобретали новые значения и смыслы. Интеллектуалы по разные стороны континента стремились придать континуитет своей истории и создавали новые парадигмы – ирландскую парадигму Джоффри Китинга и хорватский готицизм. Оба явления вошли в символический капитал последующих национализмов XIX в.

Линейность истории обсуждается и в статьях Е. Калмыковой и Р. Бутучел. Калмыкова анализирует, каким образом различные историописцы присваивали бриттское прошлое с целью легитимации своей собственной идентичности, начиная от раннего средневековья и заканчивая английскими католиками XVI–XVII вв. Труды Трансильванской школы историографии находятся в центре внимания Бутучел. Выработанная этой школой в XVIII в. концепция романской идентичности стала инструментом политической борьбы валашской элиты и позднее оказалась востребованной при формировании государства Румынии.

Помимо этого, интеллектуальные конструкты часто предшествуют складыванию общности как таковой. Это подтверждается в статье Ю. Ивонина, разбирающего дискуссии по поводу Священной Римской Империи и ее роли в появлении немецкого национального государства. Автор подчеркивает, что германский национализм – явление эпохи Модерна и никак не мог сложиться в период существования Империи, но его появление было генетически связано с интеллектуальной работой ранних периодов. Тем самым, путем миграции и рецепции идеи, в разное время артикулированные в исторических нарративах, оказывали непосредственное влияние на процессы, определившие облик современного европейского национального ландшафта.

В тесной связи с четвертым разделом находится и пятый раздел, посвященный проблемам коммеморативных практик. Здесь собраны статьи, так или иначе связанные с имперским опытом и осмыслением имперского наследия. В. Шарова размышляет о нарративе империи и рефлексии имперского опыта в странах Центральной Европы. Она подчеркивает, что если империя Габсбургов в современном понимании – это предвестник Евросоюза, то Россия – это одновременно и «образ опасности»/«образ другого» и «образ родства» в географическом и культурном плане.

Объектом анализа Е. Кумпан и А. Киридон выступает мемориальная политика и ее конструирование в современной Украине. Предметом исследования Е.Кумпан являются учебники по истории Украины, ангажированно определяющие видение узловых событий в истории страны. По ее мнению, в учебниках образ России приобретает негативные ценностные коннотации, и история Украины после 1654 г. рассматривается как история угнетения. А. Киридон, сопровождая свою статью теоретическим экскурсом в теорию проблемы, пишет о мемориальной политике в Украине в целом и так же подчеркивает, что ее доминанты базируются в плоскости «травма-триумф». Таким образом, имперский опыт в украинских нарративах воспринимается негативно. Данные исследования подчеркивают как избирательность коллективной памяти, так и то, что формирование нации начинается со школьной скамьи, поэтому политика памяти находится в сфере интересов современных государств, воспитывающих лояльных граждан.

Статья Е. Саволайнен сконцентрирована не на феномене «коллективной», навязанной памяти, а на индивидуальной. Автор анализирует мемуары ингерманландских финнов, в которых речь идет о пережитом травматическом опыте – блокаде и репрессиях, и противопоставляет свидетельский опыт официальной, ангажированной истории.

«Образ врага и образ другого» – один из присущих элементов представлений сообществ о самих себе. Подобные дискурсивные практики, в которых люди категоризируют себя и других относительно группы, способствуют распознаванию или созданию границ между ними. Материалы этого раздела сосредоточены не только на конструировании этнических/национальных границ, но и политических (К.Станков).

Актуализация культурных границ и использование культуры как дискурсивной конструкции оказывается одной из самых успешных стратегий, используемых в различные периоды истории. М. Кузьмина пишет о том, что разделение между французами и англичанами в эпоху Столетней войны проходило на уровне языка. Однако пока этнокультурное не сливается с этнополитическим, подобные разграничения могут отходить на второй план по сравнению с традиционными лояльностями, что и было в XIV–XV вв. Статьи Т.Лабутиной и Е.Калининой связаны с бинарными оппозициями «цивилизованность» – «варварство»/«отсталость». Необходимо отметить, что последними качествами наделяется периферийное пространство. Т. Лабутина констатирует, что ксенофобия в русском обществе была более естественна, являясь реакцией на засилье иноземцев и перемену порядков в то время, как антирусские настроения подогревались английскими элитами для формирования негативного образа экономического и политического конкурента. В статье Е. Калининой рассматривается феномен «черной легенды» как негативного образа Испании среди более цивилизованных европейских соседей. В контексте России следует обратить внимание на работу Н. Зотова, где говорится о том, что, как ни странно, в Германии образ революционной России воспринимался скорее положительно, чем отрицательно, в связи с некоторыми особенностями их исторического пути в первой половине XX в.

М. Григер и Е. Клименко описывают механизмы исключения и отчуждения из группы в XX–XXI вв., актуализированные по идеологическим соображениям. Для фашистской Италии, предмете исследования Григер, поводом для исключения евреев из итальянской нации стала отсутствие их принадлежности к христианскому миру, что говорило об их не-лояльности.

Е. Клименко на основании анализа публикаций в «Российской Газете» приходит к выводу, что проблемы, связанные с мигрантами, описываются в терминах культуры. Соответственно, неприязнь к мигрантам объясняется их не-принадлежностью к культурному пространству. Подобное использование культуры как дискурсивной конструкции довольно распространено в современном мире и имеет идеологический эффект.

Таким образом, материалы данной конференции вполне согласуются с уровнем развития современного гуманитарного знания по вышеуказанным проблемам, поэтому преобладание конструктивистского и инструменталистского подходов неудивительно. Сборник репрезентативен по своей сути, поскольку исследуемые явления удалось отразить в их динамике во временном и пространственном измерениях, от более простых к более сложным социальным организмам и роле нарративов в этом процессе. Материалы конференции еще раз подтверждают, что будущее (и настоящее тоже) не только за междисциплинарными, но и за транснациональными исследованиями, особенно в рамках подобной проблематики, где учет региональной специфики позволяет выйти на генерализирующий уровень и рассмотреть универсальность различных механизмов и сценариев.

С.Е. Федоров, Ф.Е. Левин

I. Этнические нарративы в Средние века и раннее Новое время

Гэлы шотландской Дал Риаты: метаморфозы этнического сценария

Федоров С. Е.

Согласно сообщению Гильды, северная Британия почти одновременно была заселена пиктскими и гэльскими пришельцами, расселившимися за пределами зоны романо-бриттского контроля. Примерно два столетия спустя Беда предложил отличную от Гильды версию, согласно которой первые ирландские поселенцы (скотты) пришли на землю, уже освоенную до этого бриттами и пиктами. Беда писал: «Так пикты появились в Британии и расселились в северных областях острова, поскольку юг занимали бритты... по прошествии времени в Британию вслед за бриттами и пиктами появился и третий народ – скотты, что пришли в область пиктов из Ибернии со своим вождем Ревдой и миром либо мечом приобрели земли, которыми владеют до сих пор. По имени их вождя они зовутся далревдинами (Dalreudini), ибо «дал» (daal) на их языке значит часть»¹ (Bede. Hist.I.L).

Подобно Гильде, Беда признает факт самой миграции, но при этом его версия переселенческой легенды обращает пиктов в наиболее ранних известных ему переселенцев в Северную Британию. Утверждение Беды о первенстве пиктов превращает территорию Аргайла в зону их изначального расселения. Содержащиеся в его тексте пояснения косвенно указывают на то, что пикты могли враждовать со скоттами (гэлами) и даже выступать против них, используя силу оружия² (Bede.Hist.II). Специалисты, неоднократно комментировавшие это утверждение Беды, указывают на то, что содержащаяся в нем информация была, без сомнения, пиктского происхождения и что сами гэлы могли трактовать факт своего переселения в Британию иначе³.

Действительно, еще задолго до того, как Беда завершил свою историю, гэльские хронисты были знакомы с Ревдой. Как правило, они объединяли в единое целое род Габрана и Комгалла под одним названием Корку Рети, считая их потомками Домангарта Рети или в другой версии – Домангарта Кинтайрского⁴. Д. Фрэйзер считает, что именно эта версия родословной двух основных родов Дал Риаты легла в основу повествования Беды⁵.

Как известно, род Габрана относился к трем правящим в Дал Риате родам и сохранял свое территориальное господство в пределах южного Аргайла на протяжении всего периода существования шотландской Дал Риаты. При этом род Лоарна занимал его центральную часть, а род Энгаса довольствовался прилегающими островами. Роду Габрана, должно быть, принадлежала также часть земель в Антриме (северо-восточная Ирландия). Поскольку Беда был знаком с родословной этих двух родов, его описание мест расселения скоттов к северу

¹ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frameset1.htm> (дата обращения: 01.06.2015); *Bede's Ecclesiastical History of the English People* / ed. by B. Colgrave & R. Mynors. Oxford, 1969.

² Там же; Ibid.

³ Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб., 2014.

⁴ *Annals of Innisfallen* / Ed. by S. Mac Airt. Dublin, 1977. 503.1.

⁵ *Fraser J. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795*. Edinburgh, 2009. P. 145.

от Клайда могло, хотя бы, косвенно, указывать на очертания полуострова Кинтайр, образующего основную северную периферию залива («упомянутые скотты поселились к северу от этого и основали там свою родину») и составлявшего вместе с цитаделью Давентри родовые земли Габрана.

Легенда о королевстве Корку Рети или о королевстве Габрана была не единственной среди историй, содержащих свою версию заселения Дал Риаты. Речь идет, по меньшей мере, еще о двух вариантах полуполюгендарных рассказов о гэльской миграции в Шотландию. Наиболее поздней по времени окончательного оформления считается версия легенды, изложенная в знаменитой «Истории народа скоттов» (*Senchus Fer n-Alban*), а наиболее ранней является история, содержащаяся в трактате «Четыре основных рода Дал Риаты» (*Cettri prímchenéla Dál Riata*). Этот трактат во многом известен тем, что в нем появляется четвертый род – род Эхдаха. Д. Дамвилл считает, что этот род являлся частью территориального союза, во главе которого стоял род Лоарна. Оба рода возводили свою родословную к Лоарну Великому, который назван в трактате дядей Домангарта Рети⁶.

Территориальная коалиция Лорна (род Лоарна и род Эхдаха), королевство Корку Рети (род Габрана и род Комгалла), а также род Энгаса, составляющий подобие федерации ближайших к Кинтайру островов, образовывали то, что обычно принято называть Дал Риатой⁷. При этом каждый из сегментов такого территориального союза позиционировался в трактате как равноправный⁸. Д. Дамвилл считает, что зафиксированная в трактате форма территориального единства гэлов Аргайла отражает широко бытующую в литературе того времени формулу «*scoti Britanniae*», в частности неоднократно встречающуюся в «Жизнеописании Колумбы» Адомнана. Д. Фрейзер, уточняя семантический ряд возможных дополнений, добавляет сюда и понятие «*Dalreudini*» самого Беды⁹.

Наибольший интерес с точки зрения формирования генетического мифа гэлов Дал Риаты представляет версия легенды, содержащаяся в «Истории народа скоттов» (*Senchus Fer n-Alban*). Ее изначальный вариант восходит примерно к тому же самому времени, когда была закончена работа над трактатом о четырех основных родах Дал Риаты, но последовавшая за этим и растянувшаяся почти на два века работа редактора превращает этот памятник в уникальное свидетельство выстраивания политических притязаний далриатинских родов на властное господство в регионе.

Сопоставление различных списков (Н, В, L, McF)¹⁰ «Истории народа скоттов» позволяет усомниться в устойчивости схемы, определявшей растиражированный другими хрониками состав широко известной легенды о заселении гэлами западного побережья Шотландии. Речь идет не только об общепринятом, но тем не менее восходящем к тексту именно этой хроники представлению о том, что «переселение» гэлов в Шотландию было организовано тремя Эрками – братьями Фергусом, Лоарном и Энгасом, но и еще о двух важных сюже-

⁶ *Dumville D. Cetri prímchenéla Dál Riata // Scottish Gaelic Studies. 2000. Vol. 20. P. 175–183.*

⁷ *Nieke M., Duncan H. Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain // Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland / ed. by S. Driscoll & M. Nieke. Edinburgh, 1988. P. 6–21; Sharpe R. The Thriving of Dalriada // Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500–1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday / ed. by S. Taylor. Dublin P. 47–61; Dumville D. Cethri Primchenéla Dál Riata // Scottish Gaelic Studies. 2000. Vol. 20. P. 170–191; Idem. Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud Senchusa Fher nAlban // *Rannachadh na Gaidhlig 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000 / ed. by C. Ó Baoill & N. McGuire. Aberdeen, 2002. P. 185–212; Idem. Political Organization of Dal Riata // Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards / ed. by F. Edmonds & P. Russell. The Boydell Press, 2011. P. 41–52.**

⁸ *Dumville D. Cetri primchenéla Dál... P. 170–173.*

⁹ *Dumville D. Cetri primchenéla Dál... P. 172. Fraser J. From Caledonia to Pictland... P. 146.*

¹⁰ Текст списка Н с учетом разночтений со списками В и L, а также редакция McF опубликованы: *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban // Celtica. 1966. Vol. 7. P. 154–157, 157–159.*

тах, определявших последующее конструирование и воспроизведение легенды. Важным с точки зрения последующей традиции остаются впервые увязанные между собой идеи, что именно Эрки, а не Корку Рети привели за собой в Аргайл ирландские кланы и что образованное ими территориальное объединение возникло изначально как часть этнически однородной (гэльской) конфедерации, подчинявшейся верховной власти ирландского короля из рода Корку Дуибне.

Д. Баннерман¹¹ датирует протограф «Истории» серединой VII в. и считает, что работа над окончательным вариантом рукописи была закончена не ранее середины X столетия¹², полагая тем самым, что даже в своем завершённом варианте хроника оставалась наиболее ранним из всех образующих так называемый «гэльский» цикл повествований о Дал Риате историческим свидетельством. Реконструируя начальный вариант рукописи, он определяет исходный текст протографа, видя в нем разновидность родовой генеалогии королевской династии Габрана, очевидно, законченной до вступления на престол Ферхара II (676–696), первого представителя рода Лоарна. Все последующие интерполяции были связаны, по его мнению, с изменяющейся конфигурацией правящих родов Дал Риаты, а последняя точка в работе над рукописью была, очевидно, поставлена в годы правления Алпина мак Эохайда (839–842) или же его сына Кеннета I (841–858)¹³.

Отмечая присущую тексту динамику, Д. Баннерман усматривает в ней результат поэтапной работы редактора или переписчика, который под влиянием изменяющихся условий вносил в начальный вариант рукописи изменения и тем самым трансформировал, должно быть, более общий по смыслу и нейтральный в отношении правящих в Дал Риате родов первоначальный вариант легенды, судя по всему, не исключавший сюжетную близость с более ранней историей исхода «сыновей Конайре». Под рукою редактора изначальная легенда, фиксировавшая характерный для ирландской раннесредневековой литературы сюжет исхода из отчего дома одного из потомков стареющего правителя не только содержательно трансформировалась, но и структурно видоизменялась. И хотя работа над рукописью «Истории» подчинялась определенной логике, старания редактора не всегда уравнивали или же сглаживали возникавшие в результате интерполяций противоречия, а сам текст сохранил следы таких сюжетных наслоений.

Первое, что впечатляет в опубликованных Д. Баннерманом текстах, так это нелепое нагромождение парных и схожих по написанию имен. Фигурирующие сначала в буквально развернутом для последующей визуализации списке двенадцати сыновей Эрка мак Эхдаха (Н), а затем (L и B) в почти его зеркальном распределении между отплывшими к британским берегам и оставшимися в Ирландии братьями, они отражают только понятную самому хронисту генеалогическую комбинацию¹⁴.

Тенденция к такого рода персонализации сохраняла, по меньшей мере, два не зависевших друг от друга уровня мотивации. С одной стороны, очевиден интерес редактора к оживлению скрывавшейся за цифрами 12 и 6 информации. Стремясь к буквальной персонализации, редактор был, судя по всему, ограничен репертуаром наиболее часто встречающихся имен в среде далриатинских гэлов и, как показывают присутствующие в перечисле-

¹¹ *Bannerman / Studies in the History of Dalriada*. Edinburgh, 1974.

¹² *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban...* P. 152.

¹³ Баннерман, в частности считает что выражение «gabsat Albain» (буквально «овладеть Альбой») не могло появиться ранее середины IX в., поскольку до этого времени Альба была синонимом Британии и только при первых Алпинидах приобрела более узкое значение, относящееся к владениям гэло-пиктской монархии Алпинидов. *Bannerman / Studies in the...* P. 118–119.

¹⁴ Например, Loam Bec (Ирландия) и Loarn Mòr (Шотландия); Fergus Bec (Ирландия) и Fergus Mòr (Шотландия) и ряд других комбинаций, в отличие от остальных неподдающихся идентификации, *Bannerman J. Senchus Fern-Alban...* P. 154–157.

нии комбинации с антропонимом Энгас, соседних пиктов. Таким обстоятельством можно объяснить наличие парных сочетаний имен в персоналиях ирландских и шотландских когорт сыновей Эрка, а также появление в списке В явно не распознанных редактором взаимозаменяемых имен Фергуса мак Эрка (Mac Nisse Mór и Fergus Mór). С другой стороны, речь может идти о попытках редактора дублировать в именах далриатинских гэлов известные ему ирландские антропонимы. Этим обстоятельством можно объяснить даже самую необычную с точки зрения использованных имен ситуацию с пиктским антропонимом Энгас, для которого уже современные исследователи подтвердили наличие ульстерского топонима *Telach Ceniuil Oengossa*¹⁵.

Персонализация списка, судя по всему, отражала наиболее ранний этап редакторской работы над текстом «Истории» и могла хронологически совпадать с начальным периодом известного доминирования рода Габрана в шотландской Дал Риате. Не предполагая строгой идентификации клановых связей с персонифицированным списком, такая правка адаптировала независимо циркулировавший ирландский пласт легенды (сюжет исхода «сыновей Конайре») к характерному для Дал Риаты этнокультурному контексту. Констатируемая в тексте «Истории» кровная связь Фергуса мак Эрка с Домангартом I и его двумя сыновьями была, подобно всем последующим соотношениям, условием, легитимирующим род Габрана в качестве правящей в Дал Риате династии в один из периодов его несомненного господства, но тем не менее оставалась интерполяцией внесенной редактором или же писцом¹⁶.

Актуализация эпонимов или следующая группа интерполяций закономерно отражает возвышение рода Лоарна. Именно с этим обстоятельством могли быть связаны определяемые по списку В следы очередной «зачистки». Именно тогда фильтруются списки, и наряду с обновленными персоналиями появляются указания на определенную связь Лоарна Великого (Loarn Mór) и несущего его эпоним рода¹⁷. Все последующие корректировки рукописи лишь увеличивают объем эпонимов и отчетливее определяют зависимость между прибывшими в Дал Риату гэлами и структурой ее территориальной организации¹⁸.

Если выделенные Д. Баннерманом группы интерполяций действительно отражали социальные и властные изменения в Дал Риате VII–IX вв., то предлагаемая «Историей» схема, тем не менее, оказывается уязвимой в трех определяющих ее структуру элементах. Речь идет о декларируемых в тексте братских связях между Фергусом, Лоарном и Энгасом. Уровень проработки этих связей хронистом определялся не только доступным ему вариантом инкорпорирующей и легитимирующей новые территориальные приобретения легенды, связанной с предшествующем инаугурации военном походе королевского наследника в «соседние» или же «заморские» земли, но и доступным для иллюстрации такого родства эмпирическим материалом. Значимыми оказывались характерные для ирландской хроникальной традиции топосы, определяющие различные формы освоения встречаемых в ходе такого похода препятствий.

Если во время своей военной кампании наследник завоевывал или, как обычно определяли хронисты, овладевал новой территорией, то, оставаясь победителем, он заключал союз с завоеванными или заново отвоеванными землями, сначала символически, а затем и реально присоединяя их к владениям своего еще здравствующего предшественника. Как правило, населявшим такие земли племенам хроники присваивали эпоним наследника

¹⁵ *Bannerman J. Studies in the... P. 120.*

¹⁶ Наиболее поздние варианты таких генеалогий позиционируют Фергуса мак Эрка в качестве десятого (*Genelaig Albanensium*) и пятнадцатого (соответствующие списки в *Rawlinson B. 502*) потомка Кайрпре Риаты – основателя септа Дал Риата. Во всех списках, кроме McF, такое соотношение отсутствует. *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban... P. 157.*

¹⁷ *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban... P. 155.*

¹⁸ Более подробно об этом: *Bannerman J. Studies in the... P. 62–64; 108–111.*

и именно таким образом завоеванные народы включались в орбиту родственных связей наследника.

Ни в одном из сохранившихся списков «Истории» хронист не упоминает об отцовском роде Фергуса (Кайрпре Риата)¹⁹, и тем более в тексте отсутствуют какие-либо намеки на род, появившийся в связи с его приходом в шотландский Аргайл, носящий его эпоним (должно быть что-то вроде *Cenel Fergusa Móir*). Напротив, его имя напрямую связывается с правящим родом Габрана уже в группе наиболее ранних текстовых вариаций. Судя по всему, речь должна идти о характерном не только для «Истории», но и других сочинений подобного жанра и тематики инструментальном приспособлении широко бытовавшей в ирландской традиции легенды о заморском походе – в данном случае – одного из преемников Конайре Великого для легитимации правившего в Дал Риате рода Габрана.

Наиболее древний пласт легитимирующей легенды, как показывают сохранившиеся к концу VIII в. варианты²⁰, обрывался на моменте отплытия народа Дал Риаты к берегам Британии, но происходившие там события не детализировались. В таком виде легенда начиналась с того, что ирландские септы Мускрайге и Корко Дуибне, Корко Байскинд, а также Дал Риата, ведущие свою родословную от трех сыновей Конайре Великого (Кайрпре Муска, Кайрпре Баскайна и Кайрпре Риата)²¹, мигрировали в Мунстер, а там совместно с Эоганхтами²² завладели территориями, ранее принадлежавшими Эрне Мумайне²³. Позднее в первоначальный вариант повествования был интерполирован сюжет, уточнявший, что после того, как Дал Риата, спустя некоторое время, покинула Ульстер с тем, чтобы обосноваться в Британии (при этом без дальнейших деталей происходившего по ту сторону Ирландского моря), ее земли в Мунстере наследуются септом Корко Дуибне.

Во вступительной части «Элегии Колуиму Килле» содержатся продолжающие эту историю детали: начавшийся в Мунстере голод вынуждает Кайрпре Риату повести свой народ (Дал Риату) обратно в Ульстер, после чего (по одной из версий – вскоре) определенная его часть септа решает покинуть Ирландию, направившись, как следует из скупого уточнения, не столько в Британию (или же в более поздних версиях – Альбу), сколько в земли пиктов²⁴. На этом месте все существовавшие к концу VIII в. версии легенды обрываются, оставляя известный простор для последующих уточнений²⁵. Поскольку ни одна из сохранившихся версий легенды не конкретизирует персональный состав переселенцев и не уточняет (за исключением одной)²⁶ хронологические рамки исхода, перспектива ее последующей

¹⁹ В тексте упоминается Эоха Муйнремор – дед Фергуса и собственно род Эрков; Эрк мак Эхдах – отец Фергуса присутствует в описании, таким образом, лишь незримо.

²⁰ Речь идет о фрагменте из знаменитой истории о «сыновьях Конайре» или в другом варианте «семени Конайре». Основная, бытовавшая к рассматриваемому периоду версия опубликована: *Gwynn L. De Mocsaib Conaire // Ériu. 1912. Vol. 6. P. 144–152*; *Gwynn L. De SiL Chonairi Mór // Ériu. 1912. Vol. 12. P. 130–142*; *Irish Liber Hymnorum / Ed. by J. Bernard. London, 1898. N. 33*; тексты житий св. Фехина (ум. 660): *Stokes W. Life of St. Fechin of Fore // Revue Celtique. 1891. Vol. 12. P. 318–353*; *Follet W. Céili Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in the Early Middle Ages. Woodbridge, 2006*.

²¹ Факт отцовства Конайре Великого был небесспорен: речь идет о том, что в другой версии легенды родоначальники этих септов были сыновьями Конайре Коэма, который приходился правнуком Кайрпре Фармоару, одному из сыновей Конайре Великого. Конайре Коэм известен как «отец трех Койрпре» (*Na Tri Coirpri*).

²² Мунстерская династия, основанная \ Эоганом Мором, сыном полубогородного правителя Айлила Оллума, доминировала в Мунстере в период с V–XVI в.

²³ *Gwynn L. De Mocsaib Conaire... P. 144–152*; *Gwynn L. De SiL Chonairi... P. 130–142*.

²⁴ Различные версии элегии датируются началом VII–VIII вв. *Leabhar Buidhe Lecain, or Yellow Book of Lecan*: фрагмент I и II (col. 1–2, P. 436–437 и col. 125–128, P. 434–435); *Stokes W. The Bodleian Amra Choluimb Chille // Revue Celtique. 1899. Vol. 20. P. 31–55, 132–183, 248–289, 400–437*; *Vernam E. Amra Choluim Chille // Zeitschrift für Celtische Philologie. 1961. Vol. 28. P. 242–51*; *Fergus K. A Poem in Praise of Columb Cille // Ériu. 1973. Vol. 24. P. 1–34*.

²⁵ *Bannerman J. Studies in the... P. 44*.

²⁶ *Stokes W. The Bodleian Amra... P. 43*.

адаптации для легитимации доминировавшего в шотландской Дал Риате королевского рода представляется вполне возможной.

Судя по всему, такая адаптация преднамеренно элиминировала любую связь (но прежде всего хронологическую) с преданием о Кайрпре Риаты. Исключая упоминание о нем в восходящей линии предшественников Габрана, она лишала выстраиваемую преемственность незримого присутствия Конайре Великого, поскольку прежние версии легенды не содержали даже намеков на фигуру Фергуса и как следствие – возможно, находившихся в его окружении братьев. Единственно важным в адаптированной версии легенды оставался прежний мотив преемственности с ирландской Дал Риатой и конкретизированный во времени и пространстве факт свершившегося исхода²⁷.

Вопрос о том, какое место занимали в адаптированной таким образом легенде Лоарн и Энгас, остается тоже загадкой. Можно предположить, что, подобно роду Габрана, они и связанные с ними территориальные объединения уже существовали на территории Аргайла. В таком случае хронист, используя реальные факты, соединил их с остававшимися «вакантными» сюжетами легенды. Заполненные в легенде лакуны, однако, не позволяют судить об этническом происхождении стоявших за Лоарном и Энгасом «поселенцев». Были ли носившие их эпонимы рода исключительно гэльского или же, следуя Беде, смешанного происхождения, судить достаточно сложно.

Ответ, во многом любопытный для определения этнического состава далриатинских родов, дают исправления в тексте списка L. Имя Энгаса, как известно, присутствовало в обоих развернутых списках братьев Фергуса вплоть до того самого времени, когда один из редакторов не вычеркнул его из ирландского аналога, снабдив свои действия весьма однозначным комментарием: «cuius tamen semen in Albania est»²⁸. Поскольку факт использования топонима «Альба» не позволяет датировать это исправление ранее IX в., то, судя по всему, ситуация с определением этнического состава населения Дал Риаты оставалась вплоть до конца исчезновения королевства неразрешенной.

Если вспомнить трудности, которые испытывал Беда с определением этнического состава жителей Аргайла, то существование и взаимодействие генетически разнородного населения может оказаться вполне реальным. Известно, что северная граница Дал Риаты проходила по территории полуострова Арднамерхан, а далее на северо-востоке располагались земли северных пиктов. С юго-востока их подпирали границы бриттского Алт Клута, а по всей восточной периферии королевства тянулся общий с южными пиктами пограничный рубеж.

Сложно представить себе непроницаемость или замкнутость очерченного таким образом гэльского ареала. Беда писал о готовности гэлов, согласившихся после ухода пиктов дать им «жен», но с «одним условием, что королей они должны выбирать не по мужской, а по женской линии», а далее уточнял, «что этому обычаю пикты следуют до сего дня» (Bede. Hist. I.1). Любопытно, но грамматическая структура предложения не позволяет определить с точностью, идет ли речь об обычае «брать гэльских жен» или же о практике престолонаследия: не исключено, что Беда предполагал оба, связанных с гэллопиктским «соглашением» условия.

Если речь идет о присутствии в Аргайле до предполагаемого прихода Фергуса этнически разнородного или же смешанного населения (народ Ревды и пикты), то основанное на родственных связях территориальное единство Дал Риаты приобретает весьма условный и далекий от очевидного характер. Возможно, при таких условиях шотландская Дал Риата

²⁷ Bannerman J. Studies in the... P. 44, 122–124; Bannerman J. Senchus Fer n-Alban... P. 222–224 (датировка); 254–255 (упоминаемые в тексте топонимы)

²⁸ См. по этому поводу замечание Д. Баннермана: Bannerman J. Studies in the... P. 119.

представляла собой не столько часть ее легендарного, завязанного на ирландские владения дифилитического прообраза, сколько была разновидностью композитарного по своей природе этнического образования, соединявшего в своей основе, по меньшей мере, гэльское и, очевидно, проживавшее в Аргайле ранее исхода народа Койпре Риаты (Ревды) пиктского или же гэло-пиктского населения.

* * *

УДК 94

ФЕДОРОВ СЕРГЕЙ ЕГОРОВИЧ. Д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

SERGEY FYODOROV. PhD, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
E-mail: s.fedorov(a)spbu.ru

ГЭЛЫ ШОТЛАНДСКОЙ ДАЛ РИАТЫ: МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ

Статья рассматривает различные варианты легенд об основании шотландской Дал Риаты и обращает особое внимание на изложенную в «Истории народа скоттов» легенду. Определяя пути влияния ирландских легенд («О семени Конайре» и «О сыновьях Конайре») на содержание «Истории», автор показывает, каким образом эти предания были адаптированы в ее новой версии.

Ключевые слова: раннесредневековая Шотландия и Ирландия; Дал Риата; легенды об основании Дал Риаты; гэльские кланы; этнический сценарий.

THE GAELS OF THE SCOTTISH DAL RIATA: METAMORPHOSES OF AN ETHNIC SCENARIO

This paper verifies different versions of the foundation myth of the Scottish Dal Riata with a particular reference to the legend developed in Senchus Fer n-Alban. It traces the influence of the Irish legends (De Moccaib Conaire and De Sil Chonairi Mór) on Senchus and lays special emphasis on their adaptation in the newly articulated foundation story of Dal Riata.

Keywords: Dark Age Scotland, Dal Riata, Gaelic kindreds; foundation legend; ethnic scenario.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. В. В. Эрлихмана. СПб: Алетея, 2001. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frameset1.htm> (дата обращения – 01.06.2015)
2. Федоров С. Я., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Була-нин, 2014. 352 с.
3. Amra Choluim Grille // Vernam E. Amra Choluim Grille // Zeitschrift fur celtische Philologie. 1961. Vol.28. P. 242–51.
4. Amra Choluimb Grille // Stokes W. The Bodleian Amra Choluimb Grille // Revue Celtique. 1899. Vol. 20. P. 31–55.
5. Bannerman J. Studies in the History of Dalriada. Edinburgh: Scottish Acedemic Press, 1974. 178 p.
6. Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by B. Colgrave & R. Mynors. Oxford: Clarendon P., 1969. 618 p.
7. Cetri prímchenéla Dál Riata // Dumville D. Cetri prímchenéla Dál Riata // Scottish Gaelic Studies. 2000. Vol.20. P. 175–183.

8. De Moccaib Conaire //Gwynn L. De Moccaib Conaire // Ériu. 1912. Vol. 6. P. 144–152;
9. De SíL Chonairi Mór//Gwynn L. De SíL ChonairiMór//Ériu. 1912. Vol. 12. P. 130–142;
10. *Dumville D.* Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud Senchusa Fher nAlban // *Rannsachadh na Gaidhlig* 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000 / ed. by C. Baoill & N. McGuire. Aberdeen: An Clo Gaidhealach, 2002. P. 185–212.
11. *Dumville D.* Political Organization of Dal Riata // Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards/ ed. by F. Edmonds & P. Russell. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2011. P. 41–52.
12. *Follet W.* Céili Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in Early Middle Ages. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2006. 253 p.
13. *Fraser J.* From Caledonia to Pictland. Scotland to 795. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 436 p.
14. Irish Liber Hymnorum / Ed. by J. Bernard. London: Henry Bradshaw Society, 1898. In 2 vol.
15. Life of St. Fechin of Fore // Strokes W. Life of St. Fechin of Fore // *Revue Celtique*. 1891. Vol. 12. P. 318–353.
16. *Nieke M., Duncan H.* Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain // *Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland* / ed. by S. Driscoll & M. Nieke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988. P. 6–21.
17. Poem in Praise of Columb Cille // Fergus K. A Poem in Praise of Columb Cille // Ériu. 1973. Vol. 24. P. 1–34.
18. *Senchus Fer n-Alban* // Bannerman J. *Senchus Fer n-Alban* // *Celtica*. 1966. Vol. 7. P. 154–159.
19. *Sharpe R.* The Thriving of Dalriada / / Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500-1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday / ed. by S. Taylor. Dublin: Four Court Press, 2000. P. 47–61
20. The Annals of Innisfallen: (ms. Rawlinson B. 503) / ed. by S. Mac Airt. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1977. 596 p.
21. The Yellow Book of Lecan: a collection of pieces (prose and verse) in the Irish language, in part compiled at the end of the fourteenth century / ed by R. Atkinson. Dublin: Royal Irish Academy House, 1896. 468 p.

REFERENCES

1. “Amra Choluim Chille” in Vernam Hull. “Amra Choluim Chille”, *Zeitschrift für celtische Philologie* 28 (1961). P. 242–51.
2. “Amra Choluimb Chille” in Stokes Whitley. “The Bodleian Amra Choluimb Chille”, *Revue Celtique* 20 (1899). P. 31–55.
3. Beda Dostopochtennij. *Zerkovnaja istorija naroda anglov*, transl. Vadim Erlikhman. Saint Petersburg: Aleteja Publ., 2001. <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frameset1.htm> (date of access: 01.06.2015) (in Russian)
4. *Bede's Ecclesiastical History of the English People*, ed. Bertram Colgrave, Roger Mynors. Oxford: Clarendon P., 1969. 618 p.
5. Bannerman John. *Studies in the History of Dalriada*. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1974. 178 p.
6. “Cetri prímhchenéla Dál Riata” in Dumville David. “Cetri prímhchenéla Dál Riata”, *Scottish Gaelic Studies* 20 (2000). P. 175–183.
7. “De Moccaib Conaire” in Gwynn Lucius. “De Moccaib Conaire”, *Eriu* 6 (1912). P. 144–152.

8. “De Síl Chonairi Mór” in Gwynn Lucius “De Sil Chonairi Mór”, *Ériu* 12 (1912). P. 130–142.
9. Dumville David. “Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud Senchusa Fher nAlban” in *Rannsachadh na Gaidhlig 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000*, ed. Colm Ó Baoill and Nancy McGuire. Aberdeen: An Clo Gaidhealach, 2002. P. 185–212.
10. Dumville David. “Political Organization of Dal Riata” in *Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards*, ed. Fiona Edmonds, Paul Russell. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2011. P. 41–52.
11. Fyodorov Sergej, Palamarchuk Anastasija. *Srednevekovaya Shotlandia*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2014. 352 p. (in Russian)
12. Follet Westley. *Cíli Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in Early Middle Ages*. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2006. 253 p.
13. Fraser James. *From Caledonia to Pictland. Scotland to 795*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 436 p.
14. *Irish Liber Hymnorum*, ed. John Bernard. London: Henry Bradshaw Society, 1898. In 2 vol.
15. “Life of St. Fechin of Fore” in Strokes Whitley. “Life of St. Fechin of Fore”, *Revue Celtique* 12(1891). P. 318–353.
16. Nieke Margaret, Duncan Holly. “Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain” in *Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland*, ed. Stephen Driscoll and Margaret Nieke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988. P. 6–21.
17. “Poem in Praise of Columb Cille” in Fergus Kelly. “A Poem in Praise of Columb Cille”, *Ériu* 24 (1973). P. 1–34.
18. “Senchus Fer n-Alban” in Bannerman John. “Senchus Fer n-Alban”, *Celtica* 7 (1966). P. 154–159.
19. Sharpe Richard. “The Thriving of Dalriada” in *Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500-1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday*, ed. Simon Taylor. Dublin: Four Court Press, 2000. P. 47–61.
20. The Annals of Innisfallen: (ms. Rawlinson B. 503), ed. Séan Mac Airt. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1977. 596 p.
21. The Yellow Book of Lecan: a collection of pieces (prose and verse) in the Irish language, in part compiled at the end of the fourteenth century, ed. Robert Atkinson. Dublin: Royal Irish Academy House, 1896. 468 p.

Сакрализация терминологии власти у тюрков раннего Средневековья в Центральной Азии

Фукало в И. А.

Власть – неотъемлемая часть исторической сущности истории тюркских народов и государств. В историческом процессе власть каганов у тюрков являлась основополагающим условием существования не только государства, но и самих народов. Это подтверждается памятниками тюркской письменности периода расцвета тюркской государственности. В надписях, посвященных Капаган-кагану, Кюльтегину и Тоньюкуку, четко обозначается значимость кагана в условиях борьбы за гегемонию в Центральной Азии. То же самое мы можем отметить в так называемом «плаче» по кагану енисейских кыргызов Барсбеку. Власть в эпоху раннего Средневековья подтверждала свою государственно-образующую роль как сакральным статусом (через религиозные институты верховного жречества), так воинской доблестью на поле сражений. Особую роль во власти у тюрков играло тенгрианство, являющееся мощным сакральным институтом поддержки власти.

Зародившийся в середине VI в. великий Тюркский каганат оказался самым сильным и могущественным государством Евразии этого времени. Его основатель Бумын-каган стал зачинателем династии Ашина. Сакральный статус его при этом был крайне высок, что подчеркивалось в том числе и поздними каганами. В продолжение данного культа его составной частью становится культ Эль-хана Бумына, который также «вырос» из культа ашиноидов. Данный культ целиком и полностью был понятен и связан только с древнетюркской государственностью. Исследователи соотносят его с этнической первоосновой ашинаидов и считают культом, внеэтническим к основной массе тюрков. Культ рода Ашина имеет морфологическую связь с обыденным, можно сказать, тривиальным, культом предков, характерным для древнего пласта любого общества²⁹. Однако, с изменением роли и места отдельно взятого рода Ашина, данный культ в этом объекте гипертрофированно преломляется, превратившись в «царский» культ с добавлением политических церемоний и ритуалов. Основные контактные точки этого культа заключались в почитании личности кагана, пещеры предков и в поклонении волку.

Уже к концу века могущественная тюркская держава разделяется на две части; при этом каганы как Западного, так и Восточного каганатов сохраняют за собой сакральную титулатуру. Личные имена в китайских источниках продолжают фиксироваться родовым именем «Ашина», а корпусная титулатура включает в себе наследные имена (Эль, Ышбара, Бури)³⁰. По нашему мнению, суть сохранения данных титулов заключается в сохранении легитимности правителя в двух раннее указанных ветвях власти кагана над элем (народом). Без несения сакральных титулов или при их изменении каган терял сущность своей власти, «кут», даруемой свыше.

После падения каганата восточных тюрков в начале VII в. и временном подчинении его Китаю, марионеточные правители также несли титулы, напрямую связанные с родом Ашина. Китайские императоры не смели нарушить уже заведенную традицию, но при этом играли на чувствах тюрков, стремясь переподчинить их сакральность напрямую себе.

²⁹ Львова Э. А., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 113.

³⁰ Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 9–11.

Китайские императоры, фактически присвоив себе сакральную культуру перехода власти «Тенгри-каган-эль», именовались «отцами» тюркских каганов того периода³¹.

Вскоре после нескольких неудачных восстаний тюрки восстановили свою государственность на востоке Великой степи. Во главе воссозданного государства встает Кутлуг каган. В его титуле и имени сочетались как сакральная титулатура рода Ашина, так и тенгрианская основа «кут». Таким образом, он стремился высвободить и восстановить сакральную титулатуру тюрков времен величия каганата. В это же время происходит воссоединение двух ветвей каганских родов тюрков – Ашина и Ашидэ. Присоединение к ополчению Кутлуг-чора влиятельного лидера ашидэ, Тоньюкука (кит. Ашидэ Юаньчжень), знаменовало собой качественно новый этап в развитии тюркского возрождения. В летописи сообщается: «Гудолу был очень обрадован, что он (Юаньчжень) перешел на его сторону, назначил его абодаганем и передал в его полное ведение все военные дела»³². Тоньюкук стал советником кагана. Во время интронизации Кутлуг-чор был наречен тронным именем Эльтериш-каган, а его супруга получила имя Эльбильге-катун.

После смерти ему наследует его младший брат Бег-чор (кит. Мочжо; после интронизации получил имя Капаган-каган). В описании интронизации Бег-чора скрытно отмечается эпизод борьбы двух начал в престолонаследовании. Судя по общему тону документов, Кутлугу должен был наследовать его сын, что означало бы внедрение патриархального порядка наследования по прямой нисходящей линии «отец-сын», но престол был занят Бег-чором, младшим братом Кутлуга, что вполне соответствовало традиционному порядку наследования по коллатеральному принципу. Было объявлено о похищении престола и о том, что Бег-чор «сам назвался каганом»³³. Источники скрывают от нас очень активную политическую и родовую борьбу, происходившую в каганате в то время. Попытка изменить престолонаследие едва не обернулась катастрофой: в момент обретения величия тюркские каганы были вынуждены потратить время на восстановление легитимности власти и ее сакрального статуса. Наступил период укрепления Второго Восточного тюркского каганата (693–716 гг.), в который восточные тюрки столкнулись с окрепшими народами енисейских кыргызов и тюркешей. Их титулатура совпадала с тюркской. Стоит отметить момент столкновения – сразу три народа, исповедующих приблизительно одинаковую религию и несущих в себе сакральность некогда единого каганата, вступили в борьбу за гегемонию во всей Центральной Азии. Кыргызский ажо Барсбек встал во главе триединого союза кыргызов, тюркешей и тибетцев. Сам Барсбек в начале VIII в. принимает титул Ынанчу Алп Бильге Каган. Таким способом правитель енисейских кыргызов счел нужным совместить сразу четыре титула – собственно титул «каган», затем имя «бильге» (мудрый, знающий путь), с сохранением при этом енисейско-кыргызской титулатуры «алп». Восточно тюркские каганы не имели таких титулов, кроме самого наследника престола Бильге кагана. Тем самым Барсбек бросил вызов кагану восточных тюрков. На тот момент престол занимал Капаган каган, но главнейшую роль в каганате играл Кюльтегин: хоть сакральный статус его титула был слаб (лишь передаваемый по наследству титул «тегин»), он сумел оставить после себя славу о грандиозных подвигах, совершаемых в честь своего народа. В это же время тюркеша в Средней Азии также стали обосновывать свою преемственность прав каганата. После того, как в конце VII в. были перебиты наследники рода Ашина, тюркеша усиленно стали выдвигать своих ставленников на власть. Они владели важнейшей ветвью Великого шелкового пути и по праву считали себя преемниками каганов, при этом правители тюркешей не назывались почтительно каганами,

³¹ *Его же*. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки АГУ. 1984. Вып. 25(9). С. 16–25.

³² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2003. С. 108.

³³ Pritsak O. Karachanidische Streitfrage // Oriens. Vol. 3. N. 2. 1950. S. 41.

отлично понимая, что сил удержать этот титул у них нет. Они довольствовались титулом «джабгу» (наместник), который переходил и как наследственный, и как сакральный. Умудренные опытом борьбы в Средней Азии тюргеши, вступив в союз с Барсбеком, признали его высокий титул и роль главного лидера в союзе. Барсбек поступил мудро и расчетливо: тюргеши, наступившие с запада, тибетцы с юга и енисейские кыргызы с севера вполне могли разгромить восточных тюрков. Но Кюльтегин решил опередить кыргызского кагана – он решил разгромить противников поодиночке. Китай остался в стороне от распрей соседей, приняв политику «мудрой обезьяны», как исповедовали учителя-даосы. Кюльтегин за короткое время разбил тюргешей и тибетцев, а затем зимой 711 г., воспользовавшись помощью предателя из племен азов, пробился в тыл енисейским кыргызам и напал на них в грандиозной битве при Черни Сунга. Барсбек погиб, а наследник престола восточных тюрков принял в 716 г. его титул Бильге. Борьба шла не только на воинском уровне: сакральные титулы требовали подтверждения, поскольку по неписанным законам Степи каган мог быть только единственным. Восточные тюрки также исчерпали себя в борьбе с кыргызами – уже через 20 лет они настолько ослабли, что их правители утратили авторитет, вновь став, по сути, марионетками Китая. После смерти великих правителей Тонъюкука и Кюльтегина, а затем – и Бильге кагана, пришел черед распрей и раздоров, закончившихся воцарением в Центральной Азии государства уйгуров. В это же время тюргеши подняли на время собственного кагана – Сулук Чабыш Чора. Как известно, тюргеши не принимали высшей тюркской титулатуры, но каган Сулук стал исключением. Он добил остатки западных тюрков (марионеток Китая в Средней Азии)³⁴, а затем поставил себя каганом всех тюрков Средней Азии, на время объединив разнородные племена. Его борьба против арабов и Китая сохранилась в источниках как арабско-персидского, так и китайского происхождения; последние, именовали его в транскрипции (кит. упр.##, пиньинь: sulu, падл.: Сулу, буквально: «lang-kk»). «Каган Сулук» стал на некоторое время препятствием для столкновения двух сил – арабов и китайцев. Его независимое государство при сохранении титула «каган» могло бы просуществовать и дольше, но распри между двумя родами вновь погубили наследие кагана. Его преемники довольствовались титулом «тархан», что являлось небольшим княжеским титулом. Пришедшие после тюргешей карлуки сохранили титул «ябгу», «джабгу» как наследственный и наделенный сакральностью, но при этом их раздробленность не давала им возможности достичь успеха в создании целостного государства после Таласской битвы 751 г.³⁵ Итак, к середине VIII в. титул «каган» уже не мог быть присвоен никем из тюркских или родственных им племен. Уйгурские правители рода Яглакар успешно расправились с союзными им басмылами, а затем стали править в основной части Центральной Азии. Титулатура уйгурских правителей также основывалась на тюркском корне: первый правитель носил имя Кутлуг, что явно было связано с победой над ослабевшими восточными тюрками. Уже через несколько десятков лет начинает проследиваться борьба с усиливавшимися енисейскими кыргызами – уйгурские правители стали присваивать себе титулы «ачо», при этом добавляя по китайским летописям наименование «кэхань» как правители тюрков³⁶. Повлияла и смена религии – по Великому шелковому пути к уйгурам проникли проповедники манихейства, которые, следуя заветам своей религии, стали оказывать сильное влияние на правителей рода Яглакар вплоть до установления очередности престолонаследия³⁷. В конечном итоге религиозные и племенные распри, а также резкая смена климата привели к упадку уйгурского государства,

³⁴ Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. СПб., 2001. С. 61–70.

³⁵ Lui Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T' u-kue), Wiesbaden, 1958. S. 66–71.

³⁶ Зуев Ю. А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996. С. 39–48.

³⁷ Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. / пер. с нем. С. В. Иванова. СПб., 2001. С. 41–47.

а на смену ему пришло установившееся после 840 г. Кыргызское великодержавие. Енисейские кыргызы умело воспользовались распрями внутри уйгуров и удачно выбрали момент восстания против правителей, облагавших их данью с 744 г. В течение 20 лет шла война, в результате которой енисейские кыргызы стали владыками Центральной Азии. В китайских летописях начинают указываться кыргызские послы от кыргызского кагана как равные китайскому императору³⁸. К сожалению, в этот момент прерывается цепочка летописей китайских источников, а арабские источники были более заняты борьбой в халифате. Имена кыргызских каганов еще предстоит выяснить как археологии, так и источниковедению.

Насколько нам позволяет оценить современная историография, они также были составлены из тюркских и кыргызских титулатур, при этом манихейство среди енисейских кыргызов не укрепилось. В это же время в Средней Азии карлукские джабгу приняли ислам. В результате ряда столкновений с более укрепленным государством Саманидов у джабгу начался переход в более прогрессивную составляющую государства. Карлукская государственность не пала – она модифицировалась. От карлукского государства (соединения племен) получила свое происхождение династия Караханидов, поскольку титулы «арслан-джабгу» и «богратегин» пошли напрямую от карлуков.

В заключение стоит отметить, что сакральность титулов у тюрков в раннем средневековье всегда являлась основной составляющей их власти, легитимным и легализующим моментом в процессе генезиса государств и народов, населявших Центральную Азию в ту эпоху.

* * *

УДК 94(5) «04/14»

ФУКАЛОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Соискатель степени кандидата исторических наук, Кыргызский Национальный Университет им. Жусупа Баласагына, Бишкек.

IVAN FUKALOV. Postgraduate student, Kyrgyz National University, Bishkek.

E-mail: fukalov1988(a)mail.ru.

САКРАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ВЛАСТИ У ТЮРКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Средневековые представления о божественности правителя – носителя идеи порядка, участника космологического действа, – являлись всеобщими. Обоожествление главы государства было важной коллективно-психологической предпосылкой интеграционных процессов в центрально-азиатских номадических обществах. По нашему мнению, аналогичными сакральными позициями обладали тюркские и кыргызские правители. Однако источники не содержат прямого и концентрированного описания системы таких представлений. Вместе с тем традиция осмысления власти в категориях «священного», как и любое другое явление культуры, не могло исчезнуть, не оставив никакой информации. В современных исследованиях расшифровке подобной информации должно быть уделено большое внимание. Данные, содержащиеся в памятниках енисейской и орхонской руники, в китайских и мусульманских источниках, синхронны реконструируемому мировоззренческому образу. Они могут стать основой для параллелей с фольклорными материалами, не имеющими прочной хронологии.

Очевидно, что титулы правителей несли в себе особую роль в отношении сакрализации как наследуемой по принципу передачи или заимствования титула, становившегося сакральным. Это стоит отметить в отношении титулов «тегин», «тархан», «джабгу». Кроме

³⁸ Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч., Т. II. 4.1. М., 1963. С. 34, 78.

функции обозначения занимаемого поста в каганате, эти титулы несли сакральную нагрузку, делая их обладателей более значимыми в среде тюркской элиты. С первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано. Место и политический вес члена общества во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений.

Очевидно, что древнетюркский и кыргызский корпусы титулатуры теснейшим образом связаны между собой. Получение титула было очень важным моментом в жизни представителя правящего слоя государства. Часто это событие и описание заслуг фиксировалось в эпитафии. Принятие кыргызским правителем титула каган означало не только политический акт, но и претензию на обладание сакральностью кагана во всей ее полноте.

Ключевые слова: Средневековье; тюрки; власть; религия; сакрализация; правитель.

SACRALIZATION OF THE TERMINOLOGY OF POWER BY EARLY MEDIEVAL TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Medieval people shared perceptions about divinity of the governor – the bearer of the idea of the order, the participant of cosmological actions. Deification of the heads of the state was the important collective-psychological prerequisite of the processes of integration in Central Asian nomad societies. In our opinion, Turkic and Kirghiz governors possessed similar sacral positions. However, sources do not contain direct and solid description of the system of such perceptions. At the same time, the tradition of interpreting power in the categories of «sacred», as well as any other phenomenon of culture, could not disappear, not having left any information. Modern researchers should pay great attention to decoding such information.

Obviously, the titles of governors played a special role in the attitude towards sacralization, which was inherited and, thus, the title became sacral, which should be noted as far as the titles «tegin», «tarhan», «jabgu» are concerned. Besides the function of denomination of the occupied position in the Khaganate, these titles had sacral meaning, making their owners more significant in the environment of Turkic elite. From the first steps of the history of the Turkic state the Turkic society was strictly hierarchical. The place and political heft of a member of society were in many respects defined by his title, quite often hereditary, which strengthened the position of its bearer in the system of social communications.

It is evident that Turkic and Kirghiz titles are closely connected with each other. The acquisition of the title was a very important moment in the life of a representative of a ruling layer of the state. This event and the description of merits were frequently recorded in the epitaph. The acquisition of the khagan title by Kirghiz governor meant not only the political art, but also the claim for possession of sacrality of the khagan in all its completeness.

Keywords: the Middle Ages; Turkic people; the power; religion; sacralization; the governor.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч., Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 471–543.
2. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство./ пер. с нем. С. В. Иванова СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001.
3. Гумилев А. Н. Древние тюрки. М.: Кристалл, 2003. 575 с.
4. Зуев Ю. А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996. С. 39–48.
5. Камалов А. К. Древние уйгуры VII–IX вв. Алматы: «Наш Мир», 2001. 216 с.
6. Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1985. С. 165–168.

7. Кляшторный С. Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. 1984. Вып. 25(9). С. 16–25. 254 с.

8. Аьвова Э. А., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 241 с.

9. Lui Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T' u-kue). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. 831 s.

10. Pritsak O. Karachanidische Streitfrage // Oriens. Vol. 3. N. 2. 1950. S. 209–228.

REFERENCES

1. Bartol'd Vasilij. "Kirgizy. Istoricheskij ocherk" in *Sochineniya*. In 9 vol. Vol. II. Part 1. Moscow: Nauka Publ., 1963. S. 471–543. (in Russian).

2. Gumilev Lev. *Drevnie tjurki*. Moscow: Kristall Publ., 2003. (in Russian).

3. Kamalov Ablet. *Drevnie ujugury VIII–IX vv.* Almaty: Nash Mir Publ., 2001. (in Russian).

4. Kljashtornyj Sergej. "Genealogija i hronologija zapadnotjurskich i tjurgeskich kaganov VI–VIII w." in *Iz istorii dorevoljucionnogo Kirgizstana*. Frunze: Ilim Publ., 1985. S. 165–168. (in Russian).

5. Kljashtornyj Sergej. *Kagan, begi i národ v pamjatnikah tjurkskoj runicheskoj pis'mennosti, Uchenye zapiski LGU25* (1984). P. 16–25. (in Russian).

6. Lvova Jeleonora, Oktjabr'skaja Irina, Sagalaev Andrej, Usmanova Mar'jam. *Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri: Chelovek. Obshhestvo*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoje otделение Pubk, 1989. (in Russian). 241 p.

7. Lui Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-kue)*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. 831 s.

8. Pritsak O. *Karachanidische Streitfrage, Oriens* 3 (1950). 831 p. P. 209–228.

9. Videngren Geo. *Máni i manihejstvo*, transl. S. V. Ivanova Saint Petersburg: Izdatel'skaja gruppa «Evrazija» Publ., 2001. (in Russian).

10. Zuev Jurij. "Sozdanie Tjurgeshskogo kaganata: istorija i tradicija", in *Jevoljucija gosudarstvennosti Kazahstana*. Almaty, 1996. S. 39–48. (in Russian).

German, Roman and Frankish: the national narratives of the early Hohenstaufen era (1138–1190) and their influence on high Politics

Vedran Sulovsky

Shortly after the end of the investiture controversy, Henry V (1106–1125), the last emperor of the Salian dynasty, died childless. While Lothair III of Supplingenburg (1125–1137) succeeded him at first, at his death it was Conrad III of Hohenstaufen (1138–1152), who was elected king. His position was very weak: Saxony and Bavaria were his open enemies, while Italy fell into complete disarray. The new ruler desperately needed to boost his legitimacy, but he never really achieved this. It is difficult to tell how Conrad would have portrayed himself as a legitimate ruler, as no source commissioned by him remains. However, Otto of Freising's *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, written in 1146 was revised in 1153 in order to be presented to Frederick Barbarossa (1152–1190), Conrad's nephew and heir. However, only a small part of the text was actually revised. Otto of Freising, who was a close relative to the Hohenstaufen, apparently believed in the same 'national' narrative as the Hohenstaufen, as other sources from the court of Frederick I prove.

Otto's view of world history is a complicated one. First of all, he conceives the Roman Empire as the last of the four empires as prophesized by Daniel, after whose end the world itself should end. The empire, however, migrated from one people to another for quite some time, having gone from the Romans to the Greeks, then to the Franks, who then lost it to the Langobards, who, in turn, lost it to the *Franci Teutonici*, the German Franks. During this migration the Roman Empire grew weak³⁹. Both the Western, that is, Latin, Franks and the German Franks were descendants of the Trojans, who, upon escaping the burning city of Ilium, split into two groups: while the future Romans followed Aeneas on his way to Latium, the future Franks went to Scythia and called themselves the Sicambri⁴⁰. Interestingly, Otto describes the rise of the

Roman Empire as well as the history of the Franks⁴¹. In fact, the history of the *impérium* itself takes pride on the place in his *History of the Two Cities*, whose title refers to the Church and the Empire, which are called the *civitas Dei* and the *civitas terrena*, respectively⁴². Christ's birth during the times of Augustus (27 BC-14 AD) was described by Otto as the will of God, who wanted to make Rome the seat of the Church⁴³.

To Otto, the key moment of world history was the reign of Constantine the Great (306–337), who Christianized the Roman Empire and united the *civitas Dei* and *civitas terrena* into the *civitas permixta*. However, Constantine moved the *impérium* to Constantinople and gave it to the Greeks. Whether Constantine gave the western part of the empire to Pope Sylvester I or not, Otto does not decide, but leaves it to the reader⁴⁴. The fall of Rome is a dramatic episode in Otto's chronicle, followed a row of tyrannies in Italy until Justinian's reconquest of it for the Romans⁴⁵. From then on the chronicle traces the history of the Franks until Charlemagne renovated the Roman Empire under

³⁹ Otto of Freising. *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, ed. A. Hofmeister, MGH SRG in usum scholarum separatim editi 45. Hannover, 1912. P. 6–9.

⁴⁰ Ibid. P. 56–57.

⁴¹ Otto of Freising. *Chronica sive historia...* P. 65–67 et passim.

⁴² Ibid. P. 99–100.

⁴³ Ibid. P. 141–143.

⁴⁴ Ibid. P. 180–192.

⁴⁵ Ibid. P. 218–237.

the Franks, finally transferring it away from Constantinople⁴⁶. It is at this precise point that the two Trojan lines, the Roman and the Frankish, finally converge. After the Carolingians lost control of the empire, Henry I (919–936) was elected king of Eastern Francia. For Otto of Freising this was the key moment in the history of his country, the Roman Empire, as it was disputed whether Henry I continued the *regnum Francorum* or started a *regnum Teutonicorum*. Otto solves the problem by stating that the *regnum Teutonicorum*, which held the *impérium Romanum* in his own day, was a part of the *regnum Francorum*. Finally, the *impérium Romanum* was conquered by Otto the Great from the Langobards in 962⁴⁷.

However, the problem of the Hohenstaufen Frankish ideology was that the Ottomans (919–1024) were a Saxon dynasty. In order to solve this problem, it was stated that Conrad II's (1024–1038) wife, Gisela, was a descendant of Charlemagne, and therefore the throne of Germany would return to the Franks under her descendants⁴⁸. This version of history was the official one in the 1150s, when Otto of Freising started writing the *Gesta Friderici I. imperatoris* in 1156, and which his chaplain Rahewin continued up to 1160⁴⁹. However, as this was a work of contemporary history, there are fewer ideological elements in it. Yet the main elements of the ideology are still present as both Otto and Rahewin invent Frederick Barbarossa's speeches on his Italian campaigns. The speeches show several important elements of the identity of Barbarossa's court:

1) they considered themselves Eastern Franks and Germans, 2) Charlemagne conquered the *impérium* from the Langobards for the West Franks, while Otto the Great conquered it again from the Langobards for the East Franks⁵⁰. While the political character of Frederick's speeches and his goal to reestablish imperial rule in Italy is obvious, his source of legitimacy, the legacy of the Franks, was fervently denied by the Senate of Rome, which claimed that only the city of Rome may bestow the *impérium Romanum* upon a person, and that not even the pope could do so⁵¹. The papacy and many Italian authors, however, believed that the *impérium* was the pope's to give⁵². Even pro-Hohenstaufen authors such as Otto Mořena⁵³ and the anonymous author of the *Carmen de gestis Friderici I. in Lombardia* held this view⁵⁴. Frederick and his court, on the other hand, had a different view: the emperor was crowned by God while the pope was merely the physical instance through which God operated⁵⁵, just like God anointed David through his agent, the prophet Samuel⁵⁶.

The question is: what was at stake for both Conrad III and Frederick I? While the first could not force his opposition in Germany to submit, Frederick had practically no opposition there except in the 1180s. What they had in common was the plan to restore imperial rule over Italy and conquer the Kingdom of Sicily while giving out as few concessions to the papacy and the Byzantine Empire

⁴⁶ Ibid. P. 244–258.

⁴⁷ Ibid. P. 262–285.

⁴⁸ Otto of Freising. *Chronica sive historia*. . . P. 290–291.

⁴⁹ C. Mierow (ed. and trans.). *The Deeds of Frederick Barbarossa*. New York, 1966. P. 3–4.

⁵⁰ Otto of Freising. 'Ottonis Gesta Friderici I. imperatoris', in Georg Waitz and Bernhard von Simson (eds.), *MGH SRG in usum scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris*. Hannover, 1912. P. 1–161, atp. 136–139; Rahewin of Freising. 'Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris', in Georg Waitz and Bernhard von Simson (eds.), *MGH SRG in usum scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini. Gesta Friderici I. imperatoris*. Hannover, 1912. P. 162–346, at p. 202–204.

⁵¹ Otto of Freising. 'Gesta Friderici'. P. 44–47, 135–139.

⁵² Rahewin of Freising. 'Gesta Friderici'. P. 172–179.

⁵³ Otto Mořena. 'Ottonis Morenae eiusdemque continuatorum Libellus de rebus a Frederico imperatore gestis', in F.-J. Schmale (ed. and trans.), *Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* Darmstadt, 1986. P. 34–239, at s. 60–62.

⁵⁴ Anonymus. *Carmen de gestis Friderici I. imperatoris in Lombardia*, ed. I. Schmale-Ott, *MGH SRG 62*. Hannover, 1965. P. 3, 23.

⁵⁵ Rahewin of Freising. 'Gesta Friderici'. P. 187–188.

⁵⁶ Godfrey of Viterbo. 'Pantheon', in Georg Heinrich Pertz and Georg Waitz (eds.), *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII*, 2. Hannover, 1872. P. 107–307, atp. 221–222.

as possible⁵⁷. Both Conrad III and Frederick I were elected as kings when another candidate was the legal heir of the previous ruler: Conrad succeeded Lothair III instead of his son-in-law Henry X of Bavaria, and Frederick succeeded Conrad III instead of Conrad's seven-year-old son Frederick⁵⁸. However, there is a difference between the two Hohenstaufen. While Conrad III died never having achieved unity in the empire, Frederick's catastrophic Italian campaign of 1166–1168 produced unexpected results: half his court had died of the plague, including his young cousin, Frederick of Rothenburg. Barbarossa was now free to crown his own son, Henry VI, junior king in 1169⁵⁹.

This change is reflected in the works of Godfrey of Viterbo, which contains a narrative revised for the different situation of the 1180s. Godfrey's position as tutor to Henry VI makes his work even more interesting, as most of his works were apparently written for the education of the young king⁶⁰. A noticeable change in the narrative is that while Otto of Freising praised the elective principle of the imperial succession in the 1150s⁶¹, already Godfrey of Viterbo's first work, the *Speculum regum*, instructed Henry VI to look up to his ancestors, including Nimrod, whom God himself gave royal power, Jupiter, who was the first man to call himself a god, and Augustus, who founded the Roman Empire and almost proclaimed himself a god, but then had a vision of the Mother of God with Child⁶². The *Speculum's* story of Constantine the Great is a different case altogether: Henry VI is taught that Constantine was a base foreigner who robbed Rome of her *impérium* and gave it to the *Greculi*⁶³. Moreover, he was an Arian heretic who introduced heresy to the whole world. Godfrey's later works, including all the versions of the *Pantheon*, describe Constantine in line with Otto of Freising's *Chronica*⁶⁴.

Godfrey's history of the Franks is an even more ideologically biased. In one version, Clovis was baptized even before Constantine the Great was. Clovis was, therefore, more virtuous and beloved of God, just like his people, the Franks, were⁶⁵. In Godfrey's other versions of Frankish history a more realistic chronology is observed⁶⁶. The Carolingian overthrow of the Merovingians is portrayed as a natural development of a people who could not bear feeble rulers⁶⁷. Godfrey retells the legend of Charlemagne, the main character in all of his works, differently each time. However, aside from the references to David's anointment during Charlemagne's coronation by God, the most striking element found in Godfrey's works is the reworked genealogy of Charlemagne. His father remains Pepin the Short (751–758), who is described as a Frank, but his mother Bertrada becomes Berta, the granddaughter of Emperor Heraclius (610–641). As Godfrey states, Charlemagne united the two Trojan lineages, the Frankish and the Roman-Greek, into one, thereby becoming the rightful ruler of the *impérium Romanum*⁶⁸. The rest of Godfrey's Frankish and German history follows Otto of Freising's model⁶⁹.

⁵⁷ J. Dendorfer. 'Konrad III. und Byzanz', in K.-H. Ruef (ed.), *Die Staufer und Byzanz*. Göttingen, 2013. P. 58–73, at p. 68–69; K. Gorch. 'Friedrich Barbarossa und Byzanz', in K.-H. Ruef (ed.), *Die Staufer und Byzanz*. Göttingen, 2013. P. 74–85, at p. 75.

⁵⁸ K. Gorch. *Friedrich Barbarossa: Eine Biographie*. Munich, 2011. P. 56, 90–110.

⁵⁹ Ibid. P. 418–424.

⁶⁰ F. Hausmann. 'Gottfried von Viterbo: Kapellan und Notar, Magister, Geschichtsschreiber und Dichter', in A. Haverkamp (ed.), *Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers*. Sigmaringen, 1992. P. 603–621, at p. 605–68, 614–615.

⁶¹ Otto of Freising. 'Gesta Friderici'. P. 103.

⁶² Godfrey of Viterbo. 'Speculum regum', in Georg Heinrich Pertz and Georg Waitz (edd.), *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII*, 2. Hannover, 1872. S. 21–93, at p. 68–69.

⁶³ Ibid. P. 80–81; Godfrey of Viterbo. 'Pantheon'. P. 175.

⁶⁴ Godfrey of Viterbo. 'Pantheon'. P. 175–177.

⁶⁵ Ibid. P. 156–157.

⁶⁶ Ibid. P. 201–202.

⁶⁷ Godfrey of Viterbo. 'Speculum regum', p. 90–91; Godfrey of Viterbo, 'Pantheon'. P. 205.

⁶⁸ Godfrey of Viterbo. 'Pantheon'. P. 206–207.

⁶⁹ Ibid. P. 225.

The views of history presented here were not necessarily believed in by anyone outside the court. Moreover, some 'German' authors, that is, northern Germans/Saxons, do not mention these theoretical constructs⁷⁰.

The most likely conclusion as to why this is so is that there was no single unified German identity. While Miiller-Mertens proved that the elites of the various peoples we consider German today did have a sense of German identity as early as the 1110s⁷¹, it seems that every author related himself firstly to his locality and region, and only then to the larger *regnum Teutonicum*, *regnum Francorum* and *impérium Romanum*. As the Hohenstaufen court followed an agenda of conquest in Italy and the restoration of imperial rights in general, it was only logical that the courtly histories would take up more elements of Frankish and Roman histories and identities. In Italian eyes it was much easier when it came to defining the empire: it had always been and would always be only Roman⁷². The opponents of the Hohenstaufen who appear as characters in the works of the Hohenstaufen supporters retain this distinction. For example, the Milanese are allowed to insult Barbarossa as merely a German in the *Carmen de gestis*⁷³.

To sum up, the imperial court espoused a German, Roman and Frankish identity. Roman because the *impérium* itself was Roman, Frankish because Charlemagne took the *impérium* away from the Greeks, and German because Otto the Great won the *impérium* from the Langobards, thereby excluding the French from Charlemagne's legacy, the empire. While a German national identity was definitely in the background of this ideology, the imperial element is so much more present that it is more appropriate to conclude by saying that a Roman imperial identity existed at the court of the kings of Germany.

* * *

УДК 94(430).024

ВЕ ДРАН СУДОВ СКИ. Магистрант, Центральный Европейский университет, Будапешт, Венгрия.

VEDRÁN SULOVSKY. MA student, Central European University, Budapest, Hungary. E-mail: vedransulovsky(o)hotmail.com

ГЕРМАНСКОЕ, РИМСКОЕ И ФРАНКСКОЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ ЭПОХИ РАНИХ ГОГЕНШТАУФЕНОВ (1138–1190) И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ

В средневековой Европе происходили те же процессы, что и в современной: когда наблюдалось столкновение национальных идентичностей, многие из которых актуализировались вслед за великим потрясением, последовавшим за падением Советского Союза. Особенно интересным представляется пример Священной Римской Империи, многонационального государства, колебавшегося между франкской, римской и немецкой идентичностями. В то время как некоторые правители, например, Карл Великий или Оттон Великий, отдавали предпочтение франкской идентичности, другие – такие, как Людовик Благочестивый или Оттон III, полагали, что только римское самосознание должно иметь значимость.

Однако, начиная с 1000 г. это оспаривалось итальянскими писателями, что итоге привело к отказу от Римского и имперского характера политики при конфликте за инвеституру

⁷⁰ O. Engels. 'Friedrich Barbarossa im Urteil seiner Zeitgenossen', in O. Engels (ed.), *Stauferstudien*. Stuttgart, 1996. P. 225–245, at p. 243.

⁷¹ E. Miiller-Mertens. *Regnum Teutonicum*. Berlin, 1970. S. 316–317, 329–341, 350, 376–377.

⁷² Otto Mořena. *Xibellus*. P. 60–62; *Anonymus*. *Carmen*. P. 3, 8 et passim; *Anonymus*. 'Civis Mediolanensis anonymi Narratio de Longobardie obpressione et subiectione', in F.-J. Schmale (ed. and trans.), *Italische Quellen iiber die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief iiber den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* Darmstadt, 1986. S. 240–295, at s. 242.

⁷³ *Anonymus*. *Carmen*. P. 63–64, 67–70, 91.

в 1070 гг. С тех пор термин *Teutonicus* вышел на авангард европейской дипломатии для умаления будущих императоров Римской империи. Постепенно и немецкие авторы начали прибегать к нему, хотя первоначально его использовали папистские литераторы. Ко времени Конрада III (1138–1152) немецкая идентичность уже повсеместно воспринималась германскими авторами, однако римская и франкская не были полностью забыты.

В течение последующих 50 лет различные национальные нарративы были косвенно усвоены разными людьми. Если Конрад III и Фридрих I (1152–1190) высказывали более франкские политические взгляды, то римская коммуна и папство имели различные римским идентичности. Восприятие правителей среди других итальянских авторов существенно разнилось: сторонники империи называли императора Римским, остальные – немецким варваром. Он не мог быть франком, ибо к этому времени это однозначно означало среди итальянцев – француз. У немецких авторов, тем не менее, сомнений не возникало: они были и немцами, и франкскими, и даже иногда римскими, в зависимости от ситуации.

Ключевые слова: Германский; Франкский; Римский; Конрад III (1138–1190); Фридрих I (1152–1190); Рим; папство; идентичность; со-идентичность; соперничающая идентичность.

GERMAN, ROMAN AND FRANKISH: THE NATIONAL NARRATIVES OF THE EARLY HOHENSTAUFEN ERA (1138–1190) AND THEIR INFLUENCE ON HIGH POLITICS

Just as modern Europe has contested national identities, some of which have been challenged in the great upheaval following the fall of the Soviet Union, so did Medieval Europe have many similar phenomena. A particularly interesting case is the Holy Roman Empire, as it was multinational state which wavered between the Frankish, Roman and German identities. While some rulers, for example Charlemagne and Otto the Great, thought the Frankish identity to be the most important one, other, such as Louis the Pious or Otto III, believed that the Roman identity should be only relevant one.

This, however, had been contested by Italian writers since 1000, eventually leading to a renunciation of the Empire's Roman and Imperial character by Gregory VII in the 1070s. Since then the term *Teutonicus* rose to the forefront of European diplomacy as a disparagement of the would-be Roman emperors. German authors slowly started using the term themselves, even though it was primarily used by pro-Papal writers at first. By the time of Conrad III (1138–1152), however, the German identity was commonly accepted by German writers, although the Frankish and Roman identities had still not been completely forgotten.

During the following half century, differing national narratives were implicitly accepted by various persons. While Conrad III and Frederick I (1152–1190) exhibited a more Frankish-based political worldview, the Roman Commune and the Papacy embraced two very different Roman identities. Among other Italian authors the rulers were perceived in markedly different fashions: imperialists called the emperor a Roman, while others called him a German barbarian. A Frank he could not be, as by this point this meant only the French – in Italian eyes. For German authors, however, no doubt existed: they were both German and Frankish, and sometimes even Roman, depending on the situation.

Keywords: German; Frankish; Roman; Conrad III (1138–1190); Frederick I (1152–1190); Rome, the Papacy; identity; coidentity; contested identity.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Anonymus. *Carmen de gestis Frederici I. imperatoris in Lombardia*, ed. Irene Schmale-Ott. MGH SRG 62. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1965. 125 s.

2. Anonymus. „Civis Mediolanensis anonymi Narratio de Longobardie obpressione et subiectione“, *Italische Quellen Über die Taten Kaiser Friedrichs I, Italien und der Brief Über*

den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I, hrsg. Franz-Josef Schmale. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. S. 240–295.

3. Dendorfer Jurgin. „Konrad III. und Byzanz“, in *Die Staufer und Byzanz*, hrsg. Karl.-Heinz. Ruef, Góppingen: Gesellschaft für Staufische Geschichte, 2013. S. 58–73.

4. Engels Odilo. „Friedrich Barbarossa im Urteil seiner Zeitgenossen“, in *Stauferstudien: Beiträge zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert*, hrsg. Odilo Engels. Sigmaringen: Thorbecke, 1996. S. 225–245.

5. Godfrey of Viterbo. „Pantheon“, in *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII, 2*, hrsg. Georg Heinrich Pertz und Georg Waitz, Hannover: Hahn, 1872. S. 107–307.

6. Godfrey of Viterbo. „Speculum regum“, in *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII, 2*, hrsg. Georg Heinrich Pertz und Georg Waitz, Hannover: Hahn, 1872. S. 21–93.

7. Górich Knut. *Friedrich Barbarossa: Eine Biographie*. München: C. H. Beck, 2011. 782 s.

8. Górich Knut. „Friedrich Barbarossa und Byzanz“, *Die Staufer und Byzanz*, hrsg. Karl.-Heinz. Ruef, Góppingen: Gesellschaft für Staufische Geschichte, 2013. S. 74–85.

9. Hausmann Friedrich. „Gottfried von Viterbo: Kapellan und Notár, Magister, Geschichtsschreiber und Dichter“, *Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers*, hrsg. Alfred Haverkamp. Sigmaringen: J. Thorbecke, 1992. S. 603–21.

10. Mierow Charles, ed. and trans. *The Deeds of Frederick Barbarossa*. New York: W. W. Norton & Company, 1966. 366 p.

11. Müller-Mertens Eckhard. *Regnum Teutonicum*. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 416 s.

12. Otto Mořena. „Ottonis Morenae eiusdemque continuatorum Libellus de rebus a Frederico imperatore gestis“, *Italische Quellen Über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I*, hrsg. Franz-Josef Schmale. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. S. 34–239.

13. Otto of Freising. *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, hrsg. Adolf Hofmeister, MGH SRG, *Usus scholarum separatim editi 45*. Hannoverae et Lipsiae: impensis bibliopolii Hahniani, 1912. 577 s.

14. Otto of Freising. „Ottonis Gesta Friderici I. Imperatori“, *MGH SRG, Usus scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. Imperatoris*, hrsg. Georg Waitz und Bernhard von Simson. Hannoverae et Lipsiae: impensis bibliopolii Hahniani 1912. 385 s. P. 1–161.

15. Rahewin of Freising. „Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris“, *MGH SRG in usus scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris*, Ed. Georg Waitz and Bernhard von Simson. Hannoverae et Lipsiae: impensis bibliopolii Hahniani. P. 162–346.

Гуситские грамоты и их перевод в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: распространение протонационального дискурса

Наумов Н. Н.

Гуситские войны представляют собой явление сложной природы, потому перед тем, как приступить к частному вопросу, которому посвящен мой доклад, я хотел бы схематично обрисовать, в каком виде представал перед учеными XIX–XXI вв. этот конфликт между Сигизмундом Люксембургским и его чешскими подданными. Франтишек Палацкий, признанный основателем чешской исторической науки, считал, что в 1419 г. «практически все чехи были едины в требовании реформы в церкви, а также мести и восстановления поруганной национальной чести»⁷⁴ – под последним он подразумевал месть за сожжение чешского проповедника Яна Гуса в Констанце в 1415 г. и закрепление права на использование чешского языка в проповеди, законодательстве и судопроизводстве. С точки зрения «Истории чешского народа в Чехии и Моравии» – национальной истории, написанной Палацким в середине XIX в. – именно чех-гусит, т. е. чех – сторонник церковной реформы, воевал с Сигизмундом и его вассалами из венгерских и немецких земель.

Марксистская историография XX в.⁷⁵ вывела на первый план социальный момент, несколько затененный у Палацкого. Крестьянин-чех, чешская городская беднота и служилое дворянство воевали против Сигизмунда, поддерживаемого немецкоязычным городским патрициатом и крупной, породненной с немецкими родами знатью. В чешской историографии XIX–XX вв. налицо понимание гуситских войн как прямолинейного процесса: борьбы чеха с немцем, реформатора-гусита с консерватором-католиком, угнетенного с угнетателем.

Однако это представление об одномерном и прямолинейном характере гуситских войн – войн «бедных чехов-гуситов против богатых немцев-католиков» – было подвергнуто основательной критике в работе западногерманского ученого Фердинанда Зайбта «Hussitica. К структуре революции» (1965 г.)⁷⁶. Он предположил, что религиозный, национальный и социальный факторы действовали одновременно (*gleichzeitig*) и иногда разнонаправленно, а не строго однонаправленно (*zugleich*)⁷⁷. Зайбт показал, что гусизм как стремление к церковной реформе получил отклик и в немецких землях. При этом различные локальные и социальные структуры Чешского королевства предпочли сохранить свою приверженность католицизму и лояльность Сигизмунду, вне зависимости от своего языка. Нынешняя чешская историография благодаря спорам между Зайбтом и чешскими марксистами, осознав сложность и многонаправленность гуситских войн как явления, обратила внимание и на другую сторону конфликта – чешских сторонников Сигизмунда – но теперь, в противоположность «старой историографии», стремится затушевать, умолчать или даже отрицать присутствие этнического конфликта⁷⁸.

Однако представление о связи между религиозным и национальным характером Гуситских войн (пусть Зайбт и ясно продемонстрировал ее относительность), возникло у Франтишка Палацкого неслучайно. Конечно, этот историк жил в «век национализма», и идея

⁷⁴ Palachy F. Dějiny národu Českého w Čechách a w Moravě dle půwodních pramenů. Díl III. Částek I. Praha, 1850. S. 272.

⁷⁵ Macek J. Husitské revolučně hnutí. Praha, 1952.

⁷⁶ Seibt F. Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Köln, Graz, 1965.

⁷⁷ Idem. Hussitenzeit als Kulturepoche // Historische Zeitschrift. Band 195, Heft I. S. 20–21.

⁷⁸ Šmahel F. Husitské Čechy: struktury, procesy, ideje. Praha, 2001. S. 31.

«национального» витала в воздухе, когда он в конце 1840-х гг. сочинял свой труд. Но он был также знатоком и издателем множества документов конца XIV – первой половины XV в., и определенно существовало нечто, что подтолкнуло его к этой идее. «Тогда уже сильно привыкли употреблять слова «чех» и «еретик» как синонимы»⁷⁹, – так Палацкий обобщает антигуситский дискурс того времени, проводившийся в иностранных источниках. Это взаимоотнесение этнического/языкового с одной стороны, и воззрений на церковь – с другой, а также оценка других народов, исходящая из такого понимания, присутствует и в гуситской полемической литературе, особенно в т. н. гуситских манифестах – посланиях, в которых гуситы обращались к жителям отдельных поселений/всего Чешского королевства/целого христианского мира, заявляя о своем учении и требуя их поддержать.

Одно из подобных посланий было составлено 5 ноября 1420 г., через четыре дня после того, как Сигизмунд со своим имперско-венгерским войском и верными ему чехами потерпел поражение в битве при Вышеграде. Послание известно в старочешских и средневерхненемецких вариантах и исходит от совета и общины города Праги, а также от гуситских дворян – предводителей гуситских отрядов, победивших в сражении. Адресат послания различается:

1) Чешский вариант приведен в «Гуситской хронике» Лаврентия из Бржезовой с пояснением, что это письмо «пражане после своей победы под Вышеградом написали и отправили баронам Богемии»⁸⁰. Здесь определенно имеется ввиду чешско-моравская знать, участвовавшая в битве на стороне Сигизмунда. Из предыдущих сообщений Лаврентия следует, что чехи-лоялисты понесли большие потери: автор перечисляет поименно многих благородных и обвиняет в их смерти короля, который, дескать, намеренно определил чехам самую невыгодную позицию в сражении⁸¹. Этот эпизод упомянут и в манифесте, призванном привлечь на сторону мятежников оставшихся в живых чешских союзников Сигизмунда Люксембургского.

2) Немецкий вариант известен в виде грамоты, хранящейся в Нюрнбергском государственном архиве⁸², а также приведен в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке⁸³. Грамота была послана жителям города Кааден (чеш. Кадань), расположенного в западной и в значительной мере немецкоязычной части Чешского королевства. Виндеке также добавляет, что пражские гуситы направили это письмо «господам и князьям, и городу Каадену и прочим городам», т. е. не исключает, что адресатом была и чешско-моравская знать. Этот город также сохранял верность Сигизмунду, что было отмечено самим королем в письме от 19 апреля 1420 г.

Грамота представляет собой письмо-жалобу, содержание которого можно представить в следующих цитатах: 1) «Сигизмунд Венгерский... позабыв о своем происхождении, отворачив от себя образец доброты и милосердия всех своих предков, предался неслыханной жестокости, и уже причиняет ее короне Чешского королевства пожарами, мерзким насилием над девицами и женщинами, убийством взрослых и детей»;

2) «И это... под защитой Римской церкви; берет к себе на помощь бесправно выданный папой против нас кровавый крест, никак не основанный на христианском порядке, чтобы чешский язык (народ), гонимый безвинно по всему свету, он смог своими самыми что ни на есть постыдными делами и еретичествами погубить и возвысить чужеземцев, заселив ими города прогнанных чехов»;

⁷⁹ Palacký F. Dějiny národu Českého... S. 272.

⁸⁰ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 160.

⁸¹ Там же. С. 154–158.

⁸² Nürnberger Staatsarchiv / Ansbacher Kriegsakten / Fasz. I, N. 6.

⁸³ Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten... S. 136–138.

3) «Показал он это еще в день Всех Святых у Вышеграда, когда обозвал предателями баронов, рыцарей и господ чешского языка (народа) и послал их вперед, но придти на выручку к ним не захотел, не посмел или не смог, так что привел к смерти до пятиста самых благородных. Мы горько жалеем, что они, кровные нам чехи, были отвращены с истинной веры, и отвращены ради ослабления нашего чешского языка (народа)»;

4) «Немцев и венгров, злейших врагов нашего языка (народа) – он жалеет и ставит выше чехов, и все для того, чтобы чехи, сами себя с обеих сторон убивающие, ослабели, и тогда, ослабевшие, легко при помощи немцев и венгров были истреблены. Так и слышали из проклятых уст этого короля, сказавшего, что хотел бы пожертвовать венгерской землей, чтобы на чешской земле не было ни одного чеха»;

5) «Потому, милые друзья! Из любви и сострадания мы предупреждаем, чтобы вы пожалели сами себя и свой родной язык (народ), который этот то жестокосердец своими позорными обвинениями намеревается оставить на растерзание...»;

6) «Нас от спасения хочет отвратить и привести ко своей еретической вере, провозглашенной в Констанце, и гибели, и никакого ответа – ни устного, ни письменного – часто от него испрашиваемого не хотел нам дать. А если вы все-таки захотите ему помогать, видя его явные жестокости и гибель страшную и незаконную для этой земли: тогда мы считали бы, что и вы стремитесь к уничтожению чешского языка (народа). И нам тогда придется выступать с помощью Божьей против вас, как против явленных врагов Божьих и чешского языка (народа)»⁸⁴.

Из содержания видно, что манифест, составленный сразу после битвы, в которой погибло много чешских союзников Сигизмунда, был обращен именно к той части чешско-моравской знати, которая уцелела и сохранила верность королю. Автором чешского варианта считается сам Лаврентий из Бржезовой, канцлер Нового Пражского места⁸⁵. Немецкий вариант тоже был создан гуситами, судя по тому, что он известен и в виде отдельной грамоты к городу Каадену, хранящейся в Нюрнбергском государственном архиве, а не только в составе рукописей «Книги императора Сигизмунда».

Чешские тексты манифеста в разных вариантах «Гуситской хроники» не имеют существенных различий, но немецкий текст некоторых рукописей «Книги императора Сигизмунда» содержит очевидное разночтение и с чешским вариантом, и с прочими немецкими. Его можно наблюдать в следующей таблице:

Старочешский вариант	Средневерхне-немецкий вариант (рукопись H, VI)
Žádost všeho dobrého vám, přátelé milí! Žalujeme vám na Sigmunda Uherského, ač hodně jest říci, krále: kterýžto zapomněv se nad urozením svým, příklad dobroty a milostivosti svých všech předkův ot sebe zapudiv, i oddal se jest na ukrutnost neslýchaní...	Hedlichkeit alls guten uch, lieben frunde. Wir clagent uch über konig (H) Sigmont von Ungern, obe er sin wert ist zu nennen einen konig, der sich hat vergessen an siner wolgebornikeit und das gutig und gnedig bispile siner vorfarn hat von ime getriben und hat sich ergeben uf ungersche erberkeit...
Желаем вам всего доброго, милые друзья! Жалуемся вам на Сигизмунда Венгерского, если подобает его так называть, короля: который, позабыв о своем происхождении и отвратив от себя образец доброты и милостивости своих предков, предался неслыханной жестокости...	Желаем вам всего доброго, милые друзья. Жалуемся вам на Сигизмунда, короля (H) Венгрии, короля, если его следует именовать его титулом, который забыл о своем происхождении, отвратил от себя добрые и милостивые образцы своих предков и предался венгерской жестокости...

Сопоставление этих двух столбцов делает для исследователя очевидными следующие отличия: 1) Ганноверская рукопись дополняет чешскую формулу до той, которая была принята в рассматриваемую эпоху в немецкой дипломатике и соблюдается в остальном тексте

⁸⁴ Palachy F. Archív Český, čili staré písemné památky České a Moravské. Díl III. Svazek I. Praha, 1844. S. 217–218.

⁸⁵ Bartoš F. M. Z politické literatury doby husitské // Sborník historický. T. V. Praha, 1957. S. 52–53, 66.

«Книги»: *konig Sigemont von Ungern* («Сигизмунд, король Венгрии»). Ганноверская рукопись считается наиболее близкой к утраченному оригиналу⁸⁶. Вполне естественно предположить, что Эберхард Виндеке и его писцы автоматически применили здесь стандартную форму, пусть даже и создали этим усложненную конструкцию; 2) Наиболее существенное отличие: немецкий текст рукописей Н, VI говорит о «венгерской жестокости» Сигизмунда в то время, как чешский текст – о «неслыханной». Прочие манускрипты «Книги» (G и V2) используют слово «жестокость» без всяких эпитетов.

Как технически могло получиться, что жестокость короля приобрела этнический контекст? У меня есть два возможных объяснения: 1) эпитет появился во время преобразования чешского текста в немецкий, что было осуществлено самими гуситами; 2) это описка, которую допустил сам автор, Эберхард Виндеке, либо его писцы.

1. Обратим внимание на то, как пишутся старочешские слова «жестокость» (*ukrutnost*) и «венгерский» (*uherský*). По длине и, что очень важно, по внешнему виду первых двух букв – и и k / h, пишущихся с помощью долгой черты, их вполне можно перепутать, если переписчик вдруг ослабил свое внимание. К тому же, выше по тексту уже упоминался эпитет «венгерский»: «на Сигизмунда Венгерского» жаловались составители манифеста. Тем не менее, во всех рукописях «Гуситской хроники», которую переписывали чешские переписчики, в этом месте ошибок нет. Это значит, что переводил немец, причем, согласно предположению, немец-гусит. Для него было непривычно видеть постпозитивное определение, используемое в чешском варианте («*ukrutnost neslýchanú*», доел, «жестокость неслыханную»). Для того, чтобы проверить это предположение, следует взглянуть на послание к городу Каадену, хранящееся в Нюрнбергском государственном архиве.

2. Точно так же похожи по написанию средневерхненемецкие слова «неслыханный» (*ungehorte*) и «венгерский» (*ungersche*). Это значит, что ошибка могла произойти и при переписывании немецкого текста вышеупомянутого послания к Каадену, тем более, что Виндеке особым образом выделяет в рубрике этот город, поскольку сам является приближенным Сигизмунда, пусть и не столь высокого ранга. Некоторые свидетельства указывают на то, что он был близок и к Каспару Шлику, придворному канцлеру императора. Это объясняет, как автор смог вставить в «Книгу» множество документов (например, переписку Сигизмунда с польским королем и магистром Ливонского ордена) и даже те письма, которые обвиняют Сигизмунда в чем-либо – жалобы Вацлава, его брата, прежнего короля Чехии. Точно так же к нему могло попасть и данное послание гуситов.

Я склонен придерживаться последней версии. Есть возможная причина того, что «венгерское» засело в сознании писца «Книги императора Сигизмунда». Венгры, в целом редко упоминающиеся в «Книге», вдруг появились в повествовании как раз при описании рассматриваемой битвы при Вышеграде: «После произошедшего римский король был в большом гневе, и, проехав промеж чехов, сказал им: "Вы, чехи, поголовно еретики и предатели; если бы вы остались с нами, то благочестивых людей и господ бы не зарубили, и сегодня мы были бы уже в Праге". Тогда чехи стали на него напирать и говорили, что желают убить короля. Тогда набросились венгры и толпой оттеснили короля от чехов. Тогда чехи, забеспокоившись, не осмелились тронуть короля. Венгры пожелали напасть на чехов. Но король был в большой нужде и попросил венгров, чтобы они сохраняли с чехами мир»⁸⁷. Эберхард Виндеке описал это событие через 17 лет; оно врезалось ему в память, так как это было столкновение, в котором чуть не погиб его патрон и благодетель.

⁸⁶ Wyss A. Eberhard Windecke und sein Sigmundbuch // Centralblatt für Bibliothekswesen, Jahrgang 11, Heft 10–11. 1894. S. 476.

⁸⁷ Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten... S. 135.

О чем может говорить этот случай? Описка с одной стороны случайна, с другой – характерна. Немец-писец, был ли он гуситом или же католиком, усвоил и по-своему воспроизвел тот дискурс, который характерен для современной ему гуситской Чехии. Как в самом манифесте немцы и венгры обличаются как еретики и «злейшие враги чешского языка», так и здесь уставший писец, пусть произвольно, через опisku, но связал жестокие (быть может и оправданные для католика и лоялиста) поступки короля с местом его правления, с чертами того народа, которого он вел против гуситов – венграми.

* * *

УДК 94(430+437) «1419/1437»

НАУМОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Аспирант, Московский государственный университет, Москва.

NIKOLAY NAUMOV. Postgraduate student, Moscow State University, Moscow.

E-mail: nn-naumov(a)mail.ru

ГУСИТСКИЕ ГРАМОТЫ И ИХ ПЕРЕВОД В «КНИГЕ ИМПЕРАТОРА СИГИЗМУНДА» ЭБЕРХАРДАВИНДЕКЕ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОТОНАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье будет проведено сравнение старочешского оригинала одного из гуситских манифестов с его средневерхненемецким переводом, представленным в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке. По некоторым неточностям немецкого варианта заметно, что его составитель усвоил и по-новому воспроизвел черты, характерные для этно-конфессионального дискурса гуситской Чехии. Тематика доклада лежит в русле проблемы зарождения этноконфессионального и протонационального дискурса в эпоху Позднего средневековья (XIV–XV вв.). Выводы, которые следуют из сравнения указанных грамот, подкрепляют следующую гипотезу: протонациональные аспекты, едва различимые у Эберхарда Виндеке, немецкого автора (ок. 1380 – ок. 1440), в значительной мере объясняются влиянием гуситского этноконфессионализма. Именно это явление, доходившее до двора Сигизмунда Люксембургского в виде грамот и манифестов, а также атмосфера раскола, в которой оно родилось (Великая схизма), порождали в мышлении современников Эберхарда Виндеке конфессиональные и даже этноконфессиональные мысли и идеи.

Ключевые слова: Эберхард Виндеке; гуситские грамоты и их переводы; «Книга императора Сигизмунда»; этно-конфессиональный и протонациональный дискурс.

HUSSITE LETTERS AND THEIR TRANSLATION IN THE EBERHARD WINDECICS “BOOK OF THE EMPEROR SIGISMUND”: THE SPREADING OF PROTONATIONAL DISCOURSE

This paper compares the original Hussite letter written in Old Bohemian and the Middle High German translation of it presented in the “Book of the Emperor Sigismund”. Some inaccuracies in the German version demonstrate that the translator understood, adopted and reproduced in a new way some typical features of the ethno-confessional discourse wide-spread in Bohemia during the Hussite revolution. The subject is related to the issue of the ethno-confessional and protonational discourse and its probable origin during the Late Middle Ages (the 14th – 15th centuries). The conclusions that could be made from the comparison of these letters, confirm the following hypothesis: the protonational aspects, however slightly they may be presented in the mentioned work of Eberhard Windeck, the German author (c. 1380 – c. 1440), are largely explained by the influence of the Hussite ethno-confessionalism. This phenomenon, which infiltrated indirectly into the court of the emperor and king (Sigismund of Luxembourg) in the form of letters and

declarations, and the atmosphere of dissidence, in which it was born (the Great Schism), generated the confessional and even ethno-confessional aspects in the thinking of the contemporary people such as Eberhard Windeck.

Keywords: Eberhard Windeck; Hussite letters and their translations; «Book of the Emperor Sigismund»; ethno-confessional and protonational discourse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. М.: Академия наук СССР, 1962. 330 с.
2. *Bartoš F. M.* Z politické literatury doby husitské // *Sborník historický*. 1957. T. V. S. 21–30.
3. *Macek J.* Husitské revoluční hnutí. Praha: Naše vojsko, 1952. 208 s.
4. Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds // Hrsg. von Dr. W. Altmann. Berlin, 1893. 591 s.
5. Nurnberger Staatsarchiv / Ansbacher Kriegsakten / Fasz. I, N. 6.
6. *Palacký F.* Archiv Český, čili staré písemné památky České a Moravské. Díl III. Svazek I. Praha: Kronberger i Riwnáč, 1844. 579 s.
7. *Palacký F.* Dějiny národu Českého w Čechách a w Moravě dle původních pramenů. Díl III/5. Částeck I. Praha: Knihkupectví J. G. Kalve a České museum, 1850. 542 s.
8. *Seibt F.* Hussitica. Zur Struktur einer Revolution. Habilitationsschrift, Köln, Graz, Bohlau, 1965. 205 s.
9. *Seibt F.* Hussitenzeit als Kulturepoche // *Historische Zeitschrift*. 1962. Band 195, Heft I.S. 21–62.
10. *Smahel F.* Husitské Čechy: struktury, procesy, ideje. Praha: Lidové noviny, 2001. 758 s.
11. *Wyss A.* Eberhard Windecke und sein Sigmundbuch // *Centralblatt für Bibliothekswesen*. 1894. Jahrgang 11, Heft 10–11. S. 433–483.

REFERENCES

1. Bartoš František “Michálek. Z politické literatury doby husitské”, *Sborník historický* 5 (1957). S. 21–30.
2. *Eberhart Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds*, hrsg. Wilhelm Altmann. Berlin, 1893. 591 s.
3. Lavrentij iz Brzhezovoj, *Gusitskaja hronika*. Moscow: Akademija nauk SSSR Publ., 1962. 330 p. (in Russian)
4. Macek Josef. *Husitské revoluční hnutí*. Praha: Naše vojsko, 1952. 208 s.
5. *Nurnberger Staatsarchiv, Ansbacher Kriegsakten*, Fasz. I, N. 6.
6. Palacký František. *Archiv Český, čili staré písemné památky České a Moravské*. Díl III. Svazek I. Praha: Kronberger i Řiwnáč, 1844. 579 s.
7. Palacký František. *Dějiny národu Českého w Čechách a w Moravě dle původních pramenů. Díl III/ 5. Částeck I*. Praha: Knihkupectví J. G. Kalve a České museum, 1850. 542 s.
8. Seibt Ferdinand. “Hussitica. Zur Struktur einer Revolution”. *Habilitationsschrift*. Köln, Graz, Bohlau, 1965. 205 s.
9. Seibt Ferdinand. “Hussitenzeit als Kulturepoche”, *Historische Zeitschrift* 195 (1962). S. 21–62.
10. Smahel František. *Husitské Čechy: struktury, procesy, ideje*. Praha: Lidové noviny, 2001. 758 s.
11. Wyss Arthur. “Eberhard Windecke und sein Sigmundbuch”, *Centralblatt für Bibliothekswesen* 11 (1894). S. 433–483.

Национальное и корпоративное в нарративах раннестюартовских цивилистов XVI–VII вв.

Паламарчук А. А.

Период правления в Англии династий Тюдоров и Стюартов, начавшийся в 1485 г. и завершившийся событиями Великого мятежа 1640-х, является уникальной эпохой британской истории. Помимо ярких и широко известных событий политической, религиозной и культурной истории уникальной чертой данного периода является поиск английской национальной идентичности в условиях композитарной монархии. Задачей обеих династий, сменившихся на престоле, было собирание, удержание и последующая интеграция целого ряда этнотерриториальных корпораций, каждой из которых были свойственны специфические административно-правовые и культурные традиции, а контроль принадлежал более или менее устойчивым группам локальных элит. При этом и Тюдоры, и Стюарты представляли не-английские регионы (Уэльс и центральную Шотландию соответственно), что не упрощало для них процесс династического строительства.

Тюдоро-стюартовский период был также периодом заметных социальных трансформаций. Одной из самых значимых трансформаций в контексте процессов становления национальной идентичности было становление профессиональных корпораций, среди которых лидирующее место занимали юристы, медики, герольды, а после Реформации – духовенство Церкви Англии. Реформация, в результате которой католическая Церковь на территории Англии утрачивает свои функции единственного и неоспоримого гаранта богоугодного, законного и справедливого правления, привела к тому, что на эти функции стали претендовать иные корпорации, прежде всего юридические.

В постреформационный период юридические корпорации в Англии были представлены четырьмя судебными иннами (Линкольнз Инн, Иннер Темпл, Миддл Темпл и Грейз Инн), объединявшими юристов общего права, и Общиной докторов, в которую входили доктора гражданского права. Изданный Генрихом VIII запрет присуждать в английских университетах степени по каноническому праву нанес мощный удар по английским канонистам (впрочем, доктора канонического права изначально не составляли самостоятельного профессионального объединения, поскольку принадлежали к более крупным корпорациям – церковным или университетским). Объединения юристов, как и другие социопрофессиональные группы в тюдоровской и раннестюартовской Англии проходили динамичный процесс внутренней интеграции и консолидации, сходный с процессом консолидации этнотерриториальных корпораций⁸⁸. На интеллектуальном уровне он сопровождался, во-первых, необходимой систематизацией и кодификацией профессионального знания и практик; во-вторых, поскольку обе корпорации претендовали на статус подлинно национальных, оптимальным образом соответствовавших духу английского народа, столь же желательна была историзация правового знания в национальном ключе.

Охвативший юридические корпорации в конце XVI столетия многоуровневый корпоративный конфликт, проявлявшийся на самых низших своих ступенях как стремление юристов обеспечить собственные карьерные и финансовые интересы, на высшем уровне посте-

⁸⁸ Подробно о становлении социопрофессиональных корпораций см.: *Паламарчук А. А.* Гражданское право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб.: Алетейя, 2015; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013; *Паламарчук А. А.* Цивилисты в раннестюартовской Англии. Юридическая корпорация в поисках национальной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 4. СПб., 2012. С. 60–68.

пенно приобрел политическое измерение, косвенным образом охватив весьма значительную часть «политического класса», начиная от самого монарха и заканчивая провинциальной знатью.

Создававшиеся в юридической среде нарративы служили не только важным инструментом внутреннего корпоративного строительства, о чем говорилось выше, но и средством аргументации в межкорпоративных спорах. В долгосрочной перспективе одним из ключевых факторов, повлиявших на исход корпоративного конфликта стал даже не объем контроля над юрисдикциями институтов, а восприятие и использование цивилистами и юристами общего права проблематики «национального».

Практически все крупные сочинения как цивилистов, так и юристов общего права представляли собой звенья одной полемической цепи и обретали широкий резонанс не только внутри профессионального сообщества, но и в более широкой среде, прежде всего среди парламентской элиты. При этом проблематика «национального» становилась той сквозной темой, которая сообщала характерные оттенки использовавшимся раннестюартовскими теоретиками идеям и концепциям.

Важной задачей, стоявшей перед обеими корпорациями-соперниками, о чем уже говорилось выше, было продемонстрировать подлинно английский характер той правовой системы, в рамках которой развивалась их деятельность. При этом самостоятельные «истории корпораций» были написаны английскими юристами сравнительно поздно. Лишь после Реставрации вышел в свет труд антиквария и герольда Уильяма Дагдейла «*Origines Juridiciales*»⁸⁹, посвященный, среди прочего, институциональной истории судебных инноваций, однако аналогичные работы, связанные с корпорацией цивилистов, не появились вплоть до XIX столетия. При этом сама организация текстов многих цивилистских трактатов позволяет сделать вполне определенные выводы о том, каким образом формировалось их представление о роли собственной корпорации в истории права и английского права в частности. Томас Ридли⁹⁰, Артур Дак⁹¹, Уильям Фулбек⁹² и Томас Крейг⁹³ считали необходимым включать в свои трактаты обширные вводные главы, в которых с разной степенью детализации освещался основополагающий для цивилистов текст – Кодекс Юстиниана (его структура, история составления), а также давался очерк античной истории, призванный продемонстрировать роль права в развитии Римской империи. В силу хорошо известных аналогий сказанное об античном Риме и административно-правовой организации Империи непосредственным образом соотносилось с современными британскими реалиями.

Характерные для цивилистов установки формулирует Уильям Фулбек в трактате, ориентированном не только (и, возможно, не столько) на профессиональных практикующих юристов, сколько на студентов, изучающих право и на более широкий круг образованных джентльменов. Предисловие к трактату он открывает аллюзией на текст Сенеки: «как гончая ищет зайца, вол – доброе пастбище, а аист – ящерицу, так... и те, кто изучает общее, каноническое и цивильное право найдут пищу соответственно своим аппетитам»⁹⁴. Словом, правовые системы представляют собой автономные области, ориентированные на различные нужды и запросы. При этом Фулбек недвусмысленно определял цивильное право как явление более совершенное, признавая, со ссылкой на Бартоло, рациональность парал-

⁸⁹ *Dugdale W. Dugdale Origines Juridiciales, or. Historical Memorials of the English laws, courts of Justice.. Inns of court and Chancery. L., 1680.*

⁹⁰ *Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. London., 1607. P. 3–56.*

⁹¹ *Duck A. De FUsage et de FAutorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens. Traduit du Latin. Paris, 1689. P. 1–82.*

⁹² *Fulbecke W. A. Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England. London, 1601–1602. To the Reader.*

⁹³ *Craig Th. Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale. Lipsiae, 1716. P. 12–43.*

⁹⁴ *Fulbecke W. A. Op. cit. To the Reader.*

лельного существования других правовых систем, ибо «вещи, созданные не слишком совершенными, могут оказаться полезными, поскольку способны побудить человека к поиску истины»⁹⁵. Во многом предвосхищая мнение Артура Дака о том, что развитие права является основой исторического процесса, Фулбек полагает, что повторяющийся цикл расцвета, стабильного существования и упадка государств совпадает с циклом развития и деградации права: «государства, пришедшие к высотам процветания, обрели расцвет и изобилие благодаря совершенствованию конституций, учреждению и соблюдению законов, тогда как отсутствие, изменение или уничтожение совершенных законов приводило к запустению, падению и неминуемому крушению многих владений и монархий»⁹⁶. Приводимый Фулбеком обширный очерк античной истории подтверждает высказанную выше мысль.

Рим – «чудо из чудес» – достигает своего величия в равной степени силой оружия, но также благодаря праву – точнее, благодаря активному экспорту собственного права на покоренные территории. К идее права как инструменту экспансии в раннеисторический период обращались не только цивилисты, но и юристы общего права (одним из самых последовательных приверженцев этого тезиса был Дж. Дэвис)⁹⁷ с одной лишь разницей: цивилисты полагали собственную правовую систему наиболее гибким и потому более успешным инструментом управления. Со ссылкой на текст «О войнах римлян» Джентили⁹⁹ Фулбек представляет идеальным мужем Полибия, который воинское искусство сочетал со знанием права, и характеризует его как идеального юриста, который отваживался решать споры между сильными мира сего¹⁰⁰.

«Совершенная конституция», которая обеспечивает процветание государства, возникает тогда, когда обычаи, сами по себе добрые, благодаря «мудрому правлению магистратов» изменяются, корректируются и адаптируются к изменчивому ходу истории, препятствуя разложению общины. С точки зрения Фулбека, гражданское право, в своих истоках тесно связанное с правом каноническим (сакральным по своей природе) сохранило в себе весь миротворческий и интегрирующий потенциал, который оно выработало еще в период существования Римской империи.

Английское гражданское право является органичным продолжением этой традиции, хотя на преемственность между собственно правом Империи и английским вариантом гражданского права отрицательным образом повлияла череда завоеваний. Например, одним из значимых с его точки зрения элементов преемственности является институт суда присяжных, истоки которого Фулбек возводит к римским децимвирам (нельзя не отметить здесь, что именно институт присяжных для юристов общего права являлся едва ли не самым «исконно английским» явлением, знаменующим независимость «английской конституции» от внешних влияний и заимствований). Поэтому, согласно метафоре автора, английское право подобно «саду, в котором можно найти как цветы, так и сорняки»¹⁰¹.

В то время как Фулбек завершает исторический очерк античным периодом, сэр Артур Дак гораздо большее внимание уделяет проблеме преемственности между правом Града, средневековыми и современными правовыми практиками¹⁰². В целом развитие европейского

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Davies J. A discovery of the true cause why Ireland was never brought under obedience of England // Historical Tracts of Sir John Davies, Attorney general of Ireland and Speaker of the House of Commons in Ireland. Dublin, 1787. P. 1–227.

⁹⁹ Gentili A. Alberici Gentilis De Armis Romanis Libri Duo. Hanoviae, 1612. P. 93.

¹⁰⁰ Fulbecke W. A. Op. cit. To the Reader.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² В современной европейской историографии труду Дака посвящено лишь несколько работ. Среди них следует отметить следующие: Horn N. Römisches Recht als Gemeineuropäisches Recht bei Artur Duck // Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte. Frankfurt, 1972. S. 171–180; Wijffels A. Arthur Duck et le ius commune européen // Revue d'histoire des facultés

права в его трактате «Об использовании и авторитете гражданского права во владениях христианских государей» может быть представлено как древо с многочисленными ветвями, в котором право Римской империи выступает в качестве ствола, а его более поздние региональные варианты представляют собой ветви. Два наиболее мощных «ответвления» – это каноническое право и так называемое «право феодов».

Дак придерживается мнения, что право является наибольшим и самым ценным наследием Империи¹⁰⁴. «Бог дал римлянам Империю для того, чтобы там возникло гражданское право, а затем там же расцвело христианство»¹⁰⁵. Право – уникальный дар, «привилегия, которую Бог даровал римлянам»¹⁰⁶. Поскольку оно является священным даром, то носит универсальный характер и может применяться в любых странах и в любые эпохи¹⁰⁷. Дак отнюдь не отрицает значимость римских завоеваний, в правовом закреплении которых решающую роль сыграли римские «юрисконсульты». «Преимущество римского права не только в содержании самих законов, но и в механизме их действия через магистратов»¹⁰⁸. Более того, именно благодаря тому, что народы, некогда покоренные Римом, познакомились с гражданским правом и распространили его в своих пределах, впоследствии они смогли обрести независимость и превратиться в самостоятельные монархии Средневековья¹⁰⁹.

То, что Британия принадлежала некогда к Римской империи и унаследовала традицию гражданского права непосредственно от римских юристов и судей Дак предлагает считать «проявлением милости Божией к этому [английскому] народу»¹¹⁰. Именно тот факт, что народы, населявшие Британские острова (прежде всего англичане и шотландцы, в меньшей степени – ирландцы) сохраняли наследие римских правоведов, помог им не исчезнуть в последовательных волнах многочисленных завоеваний, а, напротив, впитать и облагородить «варварские обычаи» саксов, данов и нормандцев (к «варварским обычаям» Дак возводит истоки общего права Англии).

Тильда и Беда – знаковые для английской культуры персонажи – включаются в круг тех, кто в период всеобщего варварства высказывался «в пользу разума и права», а англосаксонские короли – Инэ, Оффа, Эдмунд, Эдуард Старый, Этельред и даже скандинав Кнут, по мнению сэра Артура, были великими законодателями, «много заимствовавшими из римского права»¹¹¹. Немало способствовал сохранению римского права Вильгельм Завоеватель, благодаря которому возобновились контакты британцев с континентальными правоведом.

Единственный из своих коллег по Общине докторов, сэр Артур Дак относительно подробно реконструирует средневековую историю развития гражданского права в Англии. Она начинается в 1149 г., когда в Англию прибывает магистр Вакарий, ученик Ирнерия Болонского. Примечательно, что историю прибытия Вакария в Англию Дак заимствует у французского эрудита Андре Дюшена: «Вакарий... совершенный муж, ломбардец по рождению, преподавал право в Англии в 1149 г. Богатые и бедные спешили отовсюду, чтобы

de droit et de la science juridique. 1990 № 10–11. P. 193–22; Santos F. J. A. 'Jus commune' vs 'Common law' en el siglo XVII: el caso de Arthur Duck // Anuario da facultade de dereito da universidade da coruna. 2003. № 7. P. 63–104; Marzec L. De Usu et Authoritate Juris Civilis Romanorum – podrz^dna rozprawa czy dzieło światowej romanistyki? // Zeszyty prawnicze. 2006. № 6.1. S. 145–157; Marzec L. Artur Duck, De Usu et Authoritate Juris Civilis Romanorum in Regno Galliarum. Przegląd bazy bibliograficznej // Zeszyty prawnicze. 2008. № 8.1. S. 141–150.; Marzec L. Prawo rzymskie w dawnej Anglii w świetle pog4dów Artura Ducka // Zeszyty prawnicze. 2006. № 6.2. S. 117–136.

¹⁰⁴ Duck A. Op. cit. P. 15.

¹⁰⁵ Ibid. P. 18.

¹⁰⁶ Ibid. P. 26.

¹⁰⁷ Ibid. P. 27.

¹⁰⁸ Ibid. P. 25.

¹⁰⁹ Ibid. P. 22–23.

¹¹⁰ Duck A. Op. cit. P. 305.

¹¹¹ Ibid. P. 309.

учиться у него. Вакарый показал англичанам способ изучения римского права, также как Плацентии научил этому французов в академии в Монпелье»¹¹². Другая интересная деталь – приведенное выше высказывание Дюшена Дак подкрепляет столь же лестным мнением о роли Вакария Джона Сэлдена, представителя общего права¹¹³.

Дак полностью связывает средневековую историю английского права с университетом Оксфорда, подчеркивая, что обучались там как клирики, так и миряне, а студентам, изучавшим правовые материи, «завидовали богословы и студенты артистического факультета»¹¹⁴. «В те времена и клирики, и миряне с великим рвением предавались изучению законов, ибо это вело к приобретению богатства и высокого положения в обществе»¹¹⁵. К средневековым знатокам гражданского права в Англии Дак относит Иоанна Солсберийского, Петра Блуасского, Геральда Камбрийского, Александра Неккама, Стивена Аэнгтона, Элреда из Риво¹¹⁶. Дак стремится продемонстрировать не только длительную и прочную преемственность между сменявшимися друг друга оксфордскими профессорами, но и подчеркнуть не прерывавшуюся веками связь британских юристов с континентом. Так он особым образом подчеркивает эпизод, когда Эдуард I приглашает в Оксфорд Аккурсия-младшего, сына автора Глоссы и называет его своим «возлюбленным секретарем»¹¹⁷. «Ученейшие доктора права» были приглашены Эдуардом I Плантагенетом для разработки соглашения с Шотландией после смерти Александра III и установления правильного (с точки зрения англичан) порядка наследования шотландской короны.

Согласно версии Дака, монархи династии Плантагенетов неизменно благоволили цивилистам, которые, со своей стороны, обеспечивали интересы английской короны в вопросах наследования (переговоры Генриха II с папским престолом) и помогали сохранять правовую автономию по отношению к Апостольской столице. С другой стороны, с помощью короны цивилисты оказывали сопротивление тем изменениям, которые время от времени пытался навязать короне Парламент, епископат или недовольные вассалы¹¹⁸. Именно благодаря покровительству, которым английские монархи одаривали цивилистов, они смогли превзойти всех других государей Европы, а итальянские и французские цивилисты завидовали материальному положению и карьерным возможностям своих английских коллег. Отношение Дака к общему праву скорее снисходительное: он хвалит представителей иннов как «способных юрисконсультов», но добавляет, что Гланвил, Брактон, Бриттон и автор «Флеты» составили свои комментарии, ориентируясь на способ комментирования римских законов Ульпианом и Павлом. Гланвил и Брактон были прекрасно знакомы с римским правом и пользовались при составлении своих трактатов текстом Юстиниана¹¹⁹.

¹¹² Ibid. P. 320.

¹¹³ Вакарый (1120–1205) – болонский юрист, изучал право одновременно с Мартином Госией. Теобальд, архиепископ Кентерберийский, пригласил его в Англию для помощи в организации церковной администрации. Около 1143 г. (то есть на несколько лет раньше, чем полагает Дак вслед за Дюшеном) Вакарый прибывает в Англию и занимает должность архидиакона провинции Кентерберии. Через несколько лет Роджер, архиепископ Йорка, переманивает Вакария в собственную епархию. Вакарый неоднократно исполнял в Англии функции папского судьи – делегата. Кроме того, между 1156 и 1170 гг. он написал трактат о заключении церковного сакраментального брака. Вопреки легенде, которую предлагает читателю Дак, до сих пор неясно, преподавал ли Вакарый право в Оксфорде. Утверждение о том, что Вакарый вообще занимался в Англии преподаванием, основывается на кратком высказывании Иоанна Солсберийского. Последний, рассказывая о попытке короля Стефана запретить преподавание римского права, говорит, что «запрет коснулся и нашего Вакария». См.: *Brundage J. A. The Medieval Origins of the Legal Profession. Vol. I. Canonists, civilians and courts. Chicago: Chicago University Press, 2008. P. 115.*

¹¹⁴ Duck A. Op. cit. P. 320.

¹¹⁵ Ibid. P. 322.

¹¹⁶ Ibid. P. 322–324.

¹¹⁷ Ibid. P. 328.

¹¹⁸ Duck A. Op. cit. P. 334.

¹¹⁹ Ibid. P. 337–338.

Таким образом, интеллектуальные разработки цивилистов, стремившихся к осмыслению специфики английского варианта своей правовой системы и собственной корпоративной истории, имели вполне определенную иную тенденцию. Реконструируя историю деятельности цивилистов в Англии, они ставили целью продемонстрировать коренившиеся в истории тесные связи между гражданским правом и интересами английской монархии. Выработанные ими концепции предполагали, что никакая отдельно взятая национальная система не могла содержать в себе полноту нормы, а была способна отражать лишь ее конкретно-историческое проявление. При этом гражданское право обладало, по их мнению, исключительным потенциалом к интеграции и рационализации всего разнообразия традиций и практик – как собственно судебных, так и управленческих. Понимание цивилистами «национального» приводило их к убеждению, что залогом успешного развития композитарной монархии, подобной державе Стюартов, было сохранение региональных правовых и культурных автономий, а гражданское право, основанное на непреходящих законах разума, в этой системе служило бы не столько доминантой, сколько медиатором, обеспечивающим коммуникацию между разнообразными композитами и институтами. Подобное видение проблемы, востребованное английской монархией особенно при Генрихе VIII и Якове I, стремительно утрачивало актуальность при Карле I и в ходе политической полемики начинало постепенно отождествляться его оппонентами с «антианглийской» политикой.

* * *

УДК 94 (420).06

ПАААМАРЧУК АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА. К. и. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

ANASTASIA PALAMARCHUK. PhD, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: a.palamarchuk(2)spbu.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ В НАРРАТИВАХ РАННЕСТЮАРТОВСКИХ ЦИВИЛИСТОВ XVI–XVIIВВ.

Статья посвящена нарративам, создававшимся в период правления первых Стюартов представителями английского юридического сообщества, в частности юристами гражданского права. В позднетюдоровский и раннестюартовский периоды одним из главных приоритетов правящей династии было собирание и административно-правовая интеграция композитов. Поиск путей выстраивания национальных идентичностей, прежде всего английской, был не только предметом дискуссии современников-интеллектуалов, но и важной составляющей политической полемики. Одновременно раннестюартовский период стал временем становления и внутренней консолидации социoproфессиональных сообществ. Корпорации судебных иннов и Община докторов, находившиеся в состоянии длительного конфликта, создали целый ряд полемических по сути нарративов, не только разрабатывавших проблематику национального, но и обосновывавших роль каждой из профессиональных корпораций в истории английской нации.

Ключевые слова: гражданское право; общее право; нарратив; судебные инновы; Община докторов; Стюарты; Англия.

THE “NATIONAL” AND THE “CORPORATE” IN THE EARLY STUART CIVILIAN NARRATIVES

The article contains a study of the narratives created in the Early Stuart period by several members of the English legal community, in particular by Common law judges and by civil

lawyers. During the Late Tudor and Early Stuart epoch one of the key priorities for a ruling dynasty was to assemble the composites and to integrate them administratively and legally. Possible alternative ways of constructing national identities, namely of the English national identity, were not only a point of a ceaseless discussion for the English intellectuals, but also an important component in political polemics. Simultaneously the Early Stuart period was a time in which several social-professional communities emerged and consolidated. The members of the Inns of Court and Doctors' commons – legal corporations experiencing continuous rivalry – created numerous polemical narratives where not only national problematics was discussed, but also the leading role of the corresponding corporation in the history of the English nation was established.

Keywords: Civil law, Common law, narrative, Inns of Court, Doctors' commons, the Stuarts, England.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. Спб.: Алетейя, 2013. 210 с.
2. Паламарчук А. А. Цивилисты в раннестюартовской Англии. Юридическая корпорация в поисках национальной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 4. 2012. С. 60–68.
3. Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 312 с.
4. Brundage J. A. The Medieval Origins of the Legal Profession. Vol. 1. Canonists, civilians and courts. Chicago: Chicago University Press, 2008. 610 p.
5. Craig Th. Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale. Lipsiae: apud J. W. Gleditsch et filium, 1716. 851 p.
6. Davies J. A discovery of the true cause why Ireland was never brought under obedience of England // Historical Tracts of Sir John Davies, Attorney general of Ireland and Speaker of the House of Commons in Ireland. Dublin: printed for W. Porter, 1787. P. 1–227.
7. Duck A. De l'Usage et de l'Autorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens. Traduit du Latin. Paris: au Palais, 1689. 470 p.
8. Dugdale W. Dugdale Origines Juridiciales, or, Historical Memorials of the English laws, courts of Justice.. Inns of court and Chancery. London: printed for Ch. Wilkinson, 1680. 490 p.
9. Fulbecke W. A Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England. London: printed by A. Islip, 1601–1602. 109 p.
10. Gentili A. Alberici Gentilis De Armis Romanis Libri Duo. Hanoviae: apud Guilielmi Antonii. 1612. 360 p.
11. Horn N. Romisches Recht als Gemeineuropaisches Recht bei Artur Duck // Studien zur Europaischen Rechtsgeschichte. Frankfurt: W. Wilhelm, 1972. S. 171–180.
12. Marzec L. Artur Duck, De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum in Regno Galliarum. Przeg4dbazybibliograficznej // Zeszyty prawnicze. 2008. № 8.1. S. 141–150.
13. Marzec L. De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum – podrz^dna rozprawa czy dzieło swiatowej romanistyki? // Zeszyty prawnicze. 2006. № 6.1. S. 145–157.
14. Marzec L. Prawo rzymskie w dawnej Anglii w świetle pogl^dów Artura Ducka // Zeszyty prawnicze. 2006. № 6.2. S. 117–136.
15. Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. London: Printed by Adam Islip, 1607. 563 p.
16. Santos F. J. A. Jus commune' vs 'Common law' en el siglo XVII: el caso de Arthur Duck // Anuario da facultade de dereito da universidade da coruna. 2003. № 7. P. 63–104.

17. Wijffels A. Arthur Duck et le ius commune européen // *Revue d'histoire des facultés de droit et de la science juridique*. 1990 № 10–11. P. 193–22.

REFERENCES

1. Brundage James. *The Medieval Origins of the Legal Profession. Vol. I. Canonists, civilians and courts*. Chicago: Chicago University Press, 2008. 610 p.
2. Craig Thomas. *Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale*. Lipsiae: apud J.W. Gleditsch et filium, 1716. 851 p.
3. Davies John. “A discovery of the true cause why Ireland was never brought under obedience of England” in *Historical Tracts of Sir John Davies, Attorney general of Ireland and Speaker of the House of Commons in Ireland*. Dublin: printed for W. Porter, 1787. P. 1–227.
4. Duck Arthur. *De YUsage et de YAutorite du Droit Civil Dans les Etats des Princes Chretiens*. Traduit du Latin. Paris: au Palais, 1689. 470 p.
5. Dugdale William. *Dugdale Origines Juridiciales, or, Historical Memorials od the English laws, courts of Justice.. Inns of court and Chancery*. London: printed for Ch. Wilkinson, 1680. 490 p.
6. Fulbecke William. *A Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England*. London: printed by A. Islip, 1601–1602. 109 p.
7. Gentili Alberico. *Alherici Gentilis De Armis Romanis Lihri Duo*. Hanoviae: apud Guilielmi Antonii. 1612. 360 p.
8. Horn Norbert. “Romisches Recht als Gemeineuropaisches Recht bei Artur Duck” in *Studien zur Europaischen Rechtsgeschichte*. Frankfurt: W. Wilhelm, 1972. S. 171–180.
9. Marzec Lukasz. “Artur Duck, De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum in Regno Galliarum. Przegląd bazy bibliograficznej”, *Zeszyty prawnicze 8.1* (2008). S. 141–150.
10. Marzec Lukasz. “De Usu et Autoritate Juris Civilis Romanorum – podrz^dna rozprawa czy dzieło światowej romanistyki?”, *Zeszyty prawnicze 6.1* (2006). S. 145–157.
11. Marzec Lukasz.. „Prawo rzymskie w dawnej Anglii w swietle pogl^dów Artura Ducka”, *Zeszyty prawnicze 6.2* (2006). S. 117–136.
12. Palamarchuk Anastasija, Fyodorov Sergej. *Antikwarnyj diskurs w rannestuartowskoj Anglii*. Sankt-Peterburg: Aleteia Publ., 2013. 210 p. (in Russian)
13. Palamarchuk Anastasija. ”Tsiwilisty w rannestuartowskoj Anglii. Yuridicheskaja korporatsija w poiskah natsionalnoj identichnosti”, *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Serija 2, Istorija 4* (2012). P. 60–68. (in Russian)
14. Palamarchuk Anastasija. *Tsiwilnoe prawo w rannestuartowskoj Anglii: instituty i idei*. Sankt-Peterburg: Aleteia Publ., 2015. 312 p. (in Russian)
15. Ridley Thomas. *A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. London: Printed by Adam Islip, 1607. 563 p.
16. Santos Fransisco Andres. “‘Jus commune’ vs ‘Common law’ en el siglo XVII: el caso de Arthur Duck”, *Anuario da facultade de dereito da universidade da coruna 7* (2003). P. 63–104.
17. Wijffels Alain. “Arthur Duck et le ius commune européen”, *Revue d'histoire des facultés de droit et de la science juridique 10–11* (1990). P. 193–22.

Nationhood and Ethnicity at the Frontier: A Study of Western Hunan from Pre-modern to Early Modern China

Peng Lijing

This paper is a brief account of the construction of the ethnic identity of the Hmong, or in modern Mandarin 'Miao*' in pre-modern historical narratives. The research area is West Hunan (see Map 1¹²⁰), where the special historical and geographical environment bespoke the long-term conflicts between minority ethnic groups and dominant imperial forces.

In this paper, I will argue that a close examination of the historical documents does not support the view that the Hmong ethnic group was from the beginning a distinctive unity from other ancient Southern ethnic groups, but suggests that the people known as the Hmong today started to distinguish their ethnicity from the others only since around the 14th century. Furthermore, I also propose that the crystallization of the Hmong ethnic identity and the concept of nation was catalyzed by a series of wars in Ming and Qing dynasties (from the 14th to the 19th century) between central government and local communities.

Map 1. Location of West Hunan (yellow) within Hunan Province of China

In this paper, when the term 'the Han' is referred to, it does not denote the current Han ethnic group (or Han Zu ##) in the modern Chinese nation. It refers to a vaguely defined criterion in differentiating ancient Chinese people. Before the twentieth century, in the very long imperial history, 'the Han' roughly refers to those who conformed to Confucian morality and at the same time traced their sovereignty to the ancient Huaxia Chinese (##)¹²¹. Other ethnic groups, including the Hmong, are regarded as different from the Han. This Hmong ethnicity research also gives us a perspective about the construction of current Chinese nationalism. The current Chinese nationalist ideology traces its legitimacy to the ancient Han identity. And 'the Han' had never been a well-defined community; they were defined by their relations with non-Han people. In other words, we only know the meaning of being 'the Han' by looking into the demarcation and categorization of non-Han people in every historical epoch, and how these people are imagined today through

¹²⁰ http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Location_of_Xiangxi_Prefecture_within_Hunan_%28China%29.png (date of access: 12.06.2015).

¹²¹ *Leo Kwok-yueh Shin, The Making of the Chinese State: Ethnicity and Expansion on the Ming Borderlands. Cambridge, 2011.*

historical narratives¹²². In some dynasties the sovereignty went to non-Han rulers. For example, in the Qing dynasty, the rulers were Manchu. However, the expansion of central government's power to the Southern area was still justified by Confucian politico-moral theory. The Hmong's ethnic identity was constructed both by the central government and by local South-western communities, signifying both sides' political and economic interests¹²³.

In the next part I will give a very brief introduction about the earliest historical narratives.

As early as Han and Jin Dynasties (202 BC–420 AD), the peoples living along the vales and glens of areas in south-western China around today's Hunan Province (see Map 1) were already designated by the mainstream Huaxia Chinese people as Ba or Man (蛮, 蛮). It was thought by the Huaxia Chinese that among these alien tribes, those who inhabited the northern half were descendents of Lin Jun (涇, a heroic ancestor), while those in the southern half descended from Pan Hu (槃). Pan Hu was a mythological figure with canine features, or being a divine hound himself. Ancient Chinese myths tell that he was given the hand of the daughter of Emperor Gao Xin (高辛), who belongs to the mainstream Huaxia Chinese, and from that couple were derived all the barbarian tribes in the mountains. After the 3-rd century AD, the success of expansion of Han culture ensured the Han authority in economic, political and cultural aspects in the South¹²⁴; and the pattern of expansion was formed: Non-Han people were assimilated into the Han culture mainly through the acknowledgement of political administration of central imperial government, leaving the mountainous areas and settling in plains; while the resistants were forced to move to deeper mountains¹²⁵. During the Nanbei Dynasties period (420–589 AD), many Huaxia Chinese fled southward from their homeland in Northern China and occupied the plains; and the 'descendents of Pan Hu' at this time referred more clearly to the mountain tribes in Western Hunan¹²⁶. Researchers generally considered them to be speakers of language(s) mainly of the Miao-Yao (Hmong-Mien) language family and a few of the Tai-Kadai family and the Tibetan-Burmese branch of Sino-Tibetan.

Western Hunan locals living amid Huaxia Chinese during Tang Dynasty (618–907 AD) had already been assimilated to Huaxia in all aspects of life. Yet those inhabiting the vales and mountains kept their own languages, distinct customs and communities¹²⁷. After Tang Dynasty, the range of 'Descendents of Pan Hu' in the mind of mainstream Huaxia gradually expanded to include indigenous populations of more southern and south-eastern regions.

In the above historical documentations we can see that before the 10th century, 'the Hmong in classical Chinese archives designates either one or several southern ethnic groups known as 'the descendants of Panhu'. These mountain tribes were not assimilated into Confucian culture, or to put it the other way, not being under direct control of the sovereignty of Chinese dynasties. It is not until the 14th century that the military expansion of the central government demanded direct political control of the South-western area including today's West Hunan.

In the next section I am going to summarise the historical narratives in regard to the Hmong from the 14th to the 19th century. To my mind, this is the period when the ethnic identity was gradually constructed:

In many areas of China where local people formed considerable resistance against the spread of the power of the central government, a certain degree of autonomy remained while the local governing heads paid allegiance to the central government. It is called the Tusi Institution (Tusi

¹²² Thomas Mullaney, *Coming to Terms with the Nation: Ethnic Classification in Modern China*. Berkeley, 2010.

¹²³ Magnus Fiskesjö, "On the Raw and the Cooked Barbarians of Imperial China", *Inner Asia*, vol. 1, no. 2, 1999, P. 139–168.

¹²⁴ Xin Luo, "Imperial Transformation and Mountain Retreat: A General Study on the History and Fate of Southern Barbarians in Early Medieval China", *Historical Research*, vol. 2, P. 4–20.

¹²⁵ *Songshu-Yiman Zhuan* (The Book of Song: Biography of Barbarians).

¹²⁶ *Hou Han Shu-Nan Man Zhuan* (Book of the Latter Han: Treatise on the Southern Barbarians).

¹²⁷ *Sui Shu – Di Li Zhi Xia* (Book of Sui: Geography II).

zhidu #####, lit. native chieftain institution). The local chieftainship was similar to the feudal lordship in Medieval Western Europe. Since the Tusi institution was established in West Hunan, the people under Tusi administration were thus indirectly governed by the central government, but the majority of the Hmong remained Taw barbarians' outside the dynasty's jurisdiction. Since the 14th century, Hmong people had appeared as a threatening local power. In the periods when the Han or the other ruling ethnic groups had evident economic development and population boom, or had to migrate and expand their settlements as dictated by the development policies of the central government, their confrontation with Hmong people usually led to fierce warfare. The military blockade line which was intended for the whole Hmong territory gradually advanced into the Hmong heartland during the Ming Dynasty (1368–1644), and finally formed a military defence line against the Hmong in the Wanli period (1573–1620). Later, the famous *Hmong Frontier Wall* (Miao jiang bianqiang #####, currently known as *The South Great Wall*) was built along this defence line¹²⁸. The construction of the South Great Wall took over four centuries, through the process of which the central imperial government ideologically claimed that Raw Hmong beyond the wall to be an ungovernable population unworthy of including into the local autonomy governance connected to the central bureaucratic system. However, Tusi also had subtle but solid relationships with Raw Hmong, especially in economic and military communications. Some local chieftains developed military skills and improved their weapon manufactory through learning from Raw Hmong¹²⁹. West Hunan had the longest surviving local chieftainship in Chinese history. In the mean time, the Nation in the mind of the Hmong was almost identical to the Tusi administration. Tusi were allowed by the central government to have their own army, which were not part of the imperial army and had no military obligation towards the government except on occasions of foreign invasion, when they should follow the central government's commandments. The Tusi army was civilian at time of peace but enlisted when wars broke out. Some Hmong people joined the Tusi army and fought against invasions under central commandership as well, such as in the battles against the Japanese pirates (wokou ##) who plundered the coastline of South-eastern China during the 14th to 16th century.

West Hunan entered the central government's consideration only during Ming Dynasty (1368–1644). The first formal government set up here was the Guardianship (shoubei ##) established in 1513. Afterwards, as the geographic and strategic importance of this place increased, accompanied by the more frequent riots and conflicts between different ethnic groups, the level of administrative institution became ever higher accordingly. The Tusi institution was abolished in 1707, and the government of Fenghuang Ting, which belonged to the hierarchy of centralised administration, was established two years later. In the early 18th century Qing rulers used two different policies and strategies to construct imperial rule in West Hunan, applying to different communities recognized with separate identities. To the communities which were under the control of Tusi (Cooked Hmong), the state political and juridical institutions of Qing were applied and replaced the native chieftainship. To the communities living outside the control of Tusi, who were mainly Hmong communities beyond the South Great Wall (Raw Hmong), certain specific census registers, conventional regulations, land policies and tax policies were applied alongside the state institutions¹³⁰. These specific policies implied that the Qing Empire recognized the region as the frontier rather than part of the nation.

At this stage, the Hmong representatives and lower officials played an important role in forming the perception of the culture of these communities as accepted by central government, and in mediating the relationship between Qing central government and local communities. The Qing

¹²⁸ *Jing yi Jishi-Bian Lue Si#####* (Records of Barbarians in Jiaqing Period, 1552–1578: Frontier Strategies IV).

¹²⁹ Magnus Fiskesjo, "The Southern Great Wall and the Question of the Miao Barbarians", *Conference Paper Presented on the Fourth International Conference on Sinology*, June 20–22, 2012.

¹³⁰ Xiaohui Xie, «The Empire on the Miao Margins: Social Structure, Rituals and Ethnic Groups in Western Hunan in Qing Dynasty», *Journal of History and Anthropology*, Vol. 11, no. 1, P. 51–88.

administration of Southern Xiangxi in this period, especially the land policies, led to the tragic confrontation between Hmong people and Qing State. In forming the truce agreements and other similar official negotiations, local communities gradually formed a self-recognition of a collected identity. This process also included very complicated interactions among difference local forces, and among different communities who were collectively referred to as the Hmong. As a result, the Hmong identity was officially constructed from the nation's perspective and selfconsciously constructed by local communities in West Hunan.

These archives suggest that from the 14th to the 19th century the Hmong identity was specified and officially recorded mainly due to the military and political confrontations between the central government and the local forces in West Hunan.

* * *

УДК 94(512.22) «13/19»

ЛИЦЗИН ПЭН. PhD, Национальный университет Ирландии в Мейноте, Мейнот, Ирландия. LIJING PENG. PhD, National University of Ireland, Maynooth.

E-mail: sunnyleaf1984(a>gmail.com

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ЭТНИЧНОСТЬ НА ГРАНИЦЕ: ИЗУЧЕНИЕ ЗАПАДНОГО ХУНАНЯ В КОНТЕКСТЕ ДОМОДЕРНОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Каспар Хирши определяет «нацию», противопоставляя многополярность национального биполярности империи. Подобно ему, Лен Скейлз также выдвигает тезис о сложности до-модерных идентичностей. Таким образом, в этом исследовании предпринимается попытка рассмотреть изменения в обществе в Западном Хунане – регионе, остававшемся в течение веков многонациональной границей Китайской империи. В статье анализируются характеристики многополярного национального единства и до-модерной этничности в истории Западного Хунаня в поздней империи Китая (XIV – начало XX). Также здесь исследуется вопрос о том, как они повлияли на развитие национализма в Западном Китае в период Республики (1912–1949), и то, как они формировали республиканское гражданское самосознание и идентичность меньшинств.

На основании описаний военных действий, образовательных институтов и трансрегиональных торговых сетей природа национального китайского единства и изменения, которые они претерпевали, анализируются через отношения между местными сообществами (в основном, на примере этнического сообщества Хмонг) и центральным правительством империи. Местные интеллектуальные и военные элиты оказывались в центральных правительственных структурах после сдачи гражданских и военных экзаменов или через службу в национальной армии.

Сменяющие друг друга императорские режимы способствовали интеграции местных сообществ путем включения местных божеств в национальный пантеон и спонсирования издания местных газет. С помощью государственных ритуалов и официальных документов на самом широком имперском уровне постепенно формировалась национальная идентичность. Многополярные этнические идентичности возникали в результате урегулирования с центральным правительством вопросов, касающихся использования земель, налогов и квот на получение дипломе о сдаче гражданского экзамена. Эти до-модерные формы национального единства и этничности служили важным основанием и источником непрекращающегося влияния на построение национализма в Западном Хунане в последние годы существования Китайской империи и последующего за этим периода республики.

Ключевые слова: до-модерное национальное единство; этничность; Западный Хунань; национальные нарративы; признание идентичности.

NATIONHOOD AND ETHNICITY AT THE FRONTIER: A STUDY OF WESTERN HUNAN FROM PRE-MODERN TO EARLY MODERN CHINA

Caspar Hirschi defines “nation” in terms of the multipolarity of nationality in contrast to the bi-polarity of empire. Similarly, Len Scales also suggests the complexity of pre-modern identities. In response, my research aims at probing into the societal changes of Western Hunan – a region which has been a multi-ethnic frontier of the Chinese Empire for centuries. In this paper I investigate the characteristics of multi-polarized nationhood and premodern ethnicity in the local history of Western Hunan in late imperial (14th to early 20th century) China. I also look into their impact on the development of nationalism in Western Hunan in the Republican period (1912–1949), which took the form of shaping Republican citizenship and minority ethnic identity.

Drawing from accounts about a series of military activities, educational institutions and transregional commercial networks, the nature and changes of Chinese nationhood is examined through analyzing the relationship between indigenous communities (mainly the Hmong ethnic group) and the central imperial government. Local intellectual and military elites entered central governmental institutions through civil and military service examinations, or through serving in the national army. The successive imperial regimes advanced the integration of local communities by incorporating local deities into the national pantheon and sponsoring local gazetteer publication projects. Through state rituals and official documentation at an empire-wide level, a national identity was gradually formed and shaped. Multi-polarized ethnic identities have emerged as a result of negotiating with the central government over issues concerning land use, taxation and the quotas of civil service examination degrees. These premodern forms of nationhood and ethnicity served as an important foundation and a source of continuous influence in the construction of nationalism in Western Hunan in the final years of the Chinese empire and the following Republican period.

Keywords: Pre-modern nationhood; ethnicity; West Hunan, national narratives; identity recognition.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Fiskesjö Magnus. “On the Raw and the Cooked Barbarians of Imperial China”, *Inner Asia* 1 (1999). P. 139–168.
2. Fiskesjö Magnus. “The Southern Great Wall and the Question of the Miao Barbarians”, *Conference Paper Presented on the Fourth International Conference on Sinology* June 20–22, 2012 Taipei, Taiwan. <http://proj3.sinica.edu.tw/~icosas/download/ScholarSummary/291.pdf> (date of access: 12.06.2015).
3. Luo Xin. “Wanghua Yu Shanxian: Zhonggu Zaoqi Nanfang Zhuman Lishi Mingyun Zhi Gaiguan”, *Lishi Yanjiu* 2 (2009). P. 4–20. (in Chinese).
4. Mullaney Thomas S. *Coming to Terms with the Nation: Ethnic Classification in Modern China*. Berkeley: University of California Press, 2010. 232 p.
5. Shin Leo Kwok-yueh. *The Making of the Chinese State: Ethnicity and Expansion on the Ming Borderlands*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 270 p.
6. Xie Xiaohui. “Diguo Zhi Zai Miaojiang”, *Journal of History and Anthropology* 11 (2013). P. 51–88. (In Chinese).

О «главном мифе» национальных историй (домодерные этнонациональные общности)

Овчинников А. В.

В современных постсоветских национальных историях главным действующим персонажем повествования выступают ассоциируемые с этнонациональными общностями народы, которые на протяжении тысячелетий формируются, занимают определенные территории, наделяются особыми качествами, создают свои государства, вступают друг с другом в разнообразные, часто враждебные отношения. После распада СССР «народы» окончательно оттеснили на второй план классы и сословия, которые на страницах учебной, научной и популярной литературы оказались поглощены национально-ориентированным дискурсом. В большинстве случаев представления о народах как о главных субъектах истории не подвергаются методологическому осмыслению и принимаются как данность, что является еще одним основанием для атрибуции национальной истории как мифа. Вместе с тем, национальная история как важная, если не основная, составляющая идеологий молодых постсоветских государств нуждается в академической «маскировке», суть которой сводится не к поиску истины, а к повышению престижности, используемой для обоснования политических решений. Этот фактор обуславливает наличие государственного заказа на наукообразные национальные исторические повествования и объясняет то, что можно назвать «главным мифом национальных историй». Содержание этого мифа сводится к констатации существования этнонациональных народов в традиционных домодерных обществах.

Авторы национальных историй не склонны к рефлексии ключевых понятий своих текстов, но иногда встречаются исключения, предоставляющие редкий случай методологического анализа основных положений нарратива. Одним из таких исключений выступает монография казанских историков Д. М. Исхакова и И. А. Измайлова «Этнополитическая история татар» (II – середина XVI вв.) (Казань: «Школа», 2007. 356 с.). Первый из авторов – профессиональный этнолог, защитивший по этой специальности докторскую диссертацию, второй – профессиональный археолог. Судя по названию и содержанию, отражающему непрерывную, диапазоном более чем в полторы тысячи лет, и разворачивающуюся на широких пространствах Евразии историю татар, книга представляет собой обычный мифический нарратив. Отличает ее от подобных произведений, например, среднеазиатских или закавказских, теоретическое введение и попытки методологических штудий в основном тексте.

Центральным положением авторов выступает утверждение о том, что «вне всякого сомнения, главным субъектом истории являются люди, объединенные в конкретную этническую общность (народ, нацию)»¹³¹. Усомниться в этой «аксиоме» заставляют хотя бы следующие данные: в середине XX в., отмеченного бурным развитием транспорта, средств связи и систем образования, по данным ЮНЕСКО до 70 % населения Земли не могло этнически идентифицировать себя вне зоны своего компактного проживания, например, деревни. Базовая категоризация у них опиралась «на сознание принадлежности к определенной семье, клану, роду»¹³². Показательно складывание национального самосознания у населения развивающихся стран, оказавшихся в одном государстве в результате действий внешних сил (колониальных держав). Такая ситуация в определенной мере повторяет реалии древних или средневековых обществ, государственные структуры которых почти все-

¹³¹ Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (II – середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 3.

¹³² Султанов И. Р. Право народов на самоопределение и опыт его реализации: политико-правовой анализ: дис. канд. полит. наук. М., 2001. С. 17.

гда возникали в результате завоеваний и существовали благодаря военной силе. Рассмотрим пример Анголы, общество (общность?) которой до сих пор сохраняет родоплеменные отношения, но при этом государство стремится к консолидации всех родов и «предэтнических групп» и формированию самосознания «ангольцы». В посвященном анализу этой проблемы диссертационном исследовании констатируется, что «ангольцы» еще далеки от осознания себя в качестве таковых: их самосознание продолжает определяться родовой мифологией, а также особенностями внутри-родовых и межродовых отношений. Однако у учащейся молодежи, проживающей в крупных городах, хотя и сохраняются глубинные традиционные родовые ценности, но уже происходит интеграция культур разных ангольских родов и чувствуется влияние мировых культур (особенно португальской). В целом, общее для жителей Анголы самосознание (знание о том, что они живут в стране «Ангола», а их называют «ангольцы») только начинает складываться; происходит это через наиболее активных представителей родов, проживающих на традиционных территориях¹³³. Данная «постколониальная» ситуация в случае Анголы отличается от реалий доиндустриальных обществ тем, что политическая элита стремится унифицировать население в одно «национальное целое», что нехарактерно для власти имущих древности и Средневековья.

Индивидуум, которого можно условно назвать «простым человеком», частью «бесмолвного большинства» традиционного общества, делил окружающих людей не на «народы», а на родственников (дальних или близких) и неродственников. Мир «неродственников» был чужим и опасным и начинался сразу же за пределами своей общины или группы взаимодействующих общин. Отсюда понятно, почему доиндустриальные общества дискретны, многокультурны, не обладают языковым единством и, как показывают примеры истории, легко распадаются в результате внешнего воздействия и внутренних усобиц. Базовыми социально-политическими, экономическими и культурными единицами традиционного социума являются семья и община. Общинную и семейную идентичности ни в коем случае нельзя путать с этничностью, т. к. последняя предполагает наличие чувства культурного единства у неродственников.

Вернемся к монографии Д. М. Исхакова и И. Л. Измайлова. По ходу повествования авторы пытаются доказать существование особого болгарского¹³⁴ «этноса». При этом используются характеристики, относить которые корректно можно только к современным нациям: «для иностранных наблюдателей болгары были единым народом»¹³⁵; наличие исторических мифов; особое самосознание, выражающееся в унифицированной культуре мусульманского типа¹³⁶.

То, что внешние наблюдатели видели в болгарях единый народ, еще не доказывает существования общего самосознания, т. к. неразличающий взгляд извне мог классифицировать население только по выгодным для себя основаниям, не принимая во внимание мнение самих классифицируемых. В болгарских исторических мифах, о которых пишут Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов, главным действующим лицом была **правлящая династия**, а не **народ** (*выделено мною. – А. О.*) – образ, который не смог сложиться в привычном для нас понимании. В отличие от эпохи модерна, эти мифы вряд ли были известны большей части населе-

¹³³ Канжунгу Ожвалду Жозе. Особенности самосознания африканцев в контексте родовых традиций и современных тенденций образования этноса (на материалах изучения менталитета ангольцев): Автореф. дне. канд. псих. наук. М., 2011. С. 3, 5.

¹³⁴ Волжская Булгария – небольшое государство, существовавшее в Среднем Поволжье в X–XIII вв. В настоящее время её образ представляет собой одну из важнейших составляющих татарской национальной истории.

¹³⁵ Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар... С. 49.

¹³⁶ Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар... С. 54

ния, так как на тот момент просто не существовало таких тотальных механизмов трансляции, как СМИ и обязательное образование¹³⁷.

Отдельно стоит коснуться тезиса об «унифицированной культуре мусульманского типа», который служит доказательством существования средневекового болгарского «этноса». Действительно, в настоящее время широко распространено мнение о том, что наличие одной исповедуемой религии в средневековом обществе якобы позволяет видеть в нём этническое целое, а религиозные чувства – считать частью этно-ориентированного мировоззрения. Факт исповедования одной религии является решающим для тех исследователей, которые видят, например, в конфессиональных общностях средневековой Европы протонациональные объединения.

Антропологи, занимавшиеся изучением религии, еще в начале XX в. отмечали, что ее суть в традиционных обществах состоит, в первую очередь, в обрядах, а не верованиях. А. Рэдклифф-Браун констатировал, что в европейских странах, особенно после Реформации, утвердилось мнение о вероучении как основной части религии, которая определяет обряды.

В реальности верования и обряды развиваются параллельно, *«но в этом развитии именно действие или потребность в действии контролирует или определяет действие, а не наоборот»*¹³⁸. Важной считалась социальная функция обрядов, их способность поддерживать общественную стабильность, что объясняет устойчивость обрядов и изменчивость доктрин¹³⁹. В массе своей люди выбирали не догматы, а ритуалы, которые должны были быть социально эффективными, т. е. направленными на благополучие ближайшего социального окружения человека – семьи и общины (следует напомнить, что секретарь посольства багдадского халифа Ахмед ибн Фадлан в 922 г. говорил с местным болгарским правителем не о высоких богословских материях, а о вполне конкретных, вплоть до мелочей, обрядах). Отсюда вариативность даже монотеистических религий в традиционных обществах, когда представления о верованиях у христианских и мусульманских интеллектуалов мало совпадали с низкой полуязыческой культурой тысяч крестьянских общин.

Религия в традиционном обществе не выполняет столь важные для национализма культурно-объединяющие функции. Социально-политическое единение является плодом воображения распространителей религии и результатом стремления вновь обращённых не разубеждать в этом вышестоящих с целью получения новых привилегий или сохранения старых. Религиозное разделение традиционных обществ представляется лишь внешней классификацией, не затрагивающей самосознание большинства населения. Например, *«попытки различения религий в традиционной Индии не привели к религиозной дифференциации, во-первых, из-за своей несистематичности и немасштабности (они не были постоянными, не охватывали все общество), и, во-вторых, из-за особенностей развития религий, которые ещё не превратились в организацию или общественно-религиозное движение»*¹⁴⁰.

«Бог» оказывается включенным в феодальную (социальную, а не этническую по своей сути) иерархию, выполняя роль верховного сюзерена. Получая от него власть, правящая семья обязуется нести определенные повинности, выражающиеся в строительстве и украшении храмов, регулярных пышных обрядах и т. д. Одним членам августейшего семейства сделать это сложно, и поэтому естественны и обращение к нижестоящим по феодальной лестнице, и стремление всеми возможными путями, в том числе насильственными, включить их в орбиту «правильной веры». Сопровождающая эти процессы религиозная унифи-

¹³⁷ Подробнее см.: Овчинников А. В. «Народы» в реалиях традиционной культуры: объективная реальность или «главный миф» национальных историй? // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 18. С. 307–312.

¹³⁸ Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 182.

¹³⁹ Там же. С. 184, 185.

¹⁴⁰ Топычканов В. В. Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI веков (на примере Индии и Пакистана): дис. канд. ист. наук. М., 2009. С. 42.

кация не является тотальной культурной унификацией, которую можно наблюдать в национальных государствах. Внедрение в традиционное общество монотеистической религии (например, внедрение ислама как в случае с волжскими булгарами) не приводит к формированию единого самосознания у населения крупных территорий. Эпоха средневековья дает многочисленные примеры войн между приверженцами одной мировой религии, подчиняющихся разным сюзеренам.

Положение о религии как об «этноопределяющем» факторе, скорее всего, является следствием поздней национализации мировых религий, их органического вкрапления в доктрины национализма (см., например, дискурсы русского православия, татарского ислама, испанского католицизма и т. и.).

В случае с традиционным обществом мы видим, как его политическая и интеллектуальная элита, а также сторонние наблюдатели (путешественники, торговцы, дипломаты) дифференцируют массу основного населения по поверхностным, часто ситуативным критериям, при этом оставляя без внимания мнение самого «безмолвного большинства». Действенных способов навязать престижное знание безграмотным, живущим в замкнутых мирах людям о них самих, заставить искренне поверить в национальный миф, как это случится в эпоху Модерна, пока не было. Но, *«если на смену самоидентификации человека приходит его принудительное причисление к тому или иному общественному классу или группе, национальной или религиозной общности, то оно уже не имеет культурной природы в строгом смысле этого слова, и потому основанные на нем различия нельзя рассматривать как обусловленные культурными факторами»*¹⁴¹.

Подводя промежуточные итоги исследования, можно констатировать, что изучение «главного мифа» национальных историй имеет значительные научные перспективы, заключающиеся не только в новой интерпретации известных источников, но и в возможностях осмысления научного знания как части исторически обусловленной и динамично меняющейся определённой политико-культурной среды.

* * *

УДК 94(47)+323.17

ОВЧИННИКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ. К. и. н, доцент, Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань.

OVCHINNIKOV ALEXANDER. PhD, Associate Professor, Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Kazan.

E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

О «ГЛАВНОМ МИФЕ» НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ (ДОМОДЕРНЫЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ)

Исследуется научная обоснованность практики апелляций к понятиям «народ», «этнос», «национальность» в посвященных домодерным эпохам нарративах национальных историй Татарстана. Автор проводит разграничение между семейно-клановой (родовой), территориальной, религиозной и, собственно, этнической идентичностью. Ставится вопрос о потенциальной возможности существования в традиционных обществах представлений о народах в современном («российском») смысле этого слова. По материалам средневековых источников исследуется механизм классификации населения, большое место в анализе отводится классификаторам (от рядового члена общины до путешественников, интеллектуалов).

¹⁴¹ Иноземцев В. А. Испытание культурой // Сейла Бенхабиб. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. XI.

лов-летописцев и т. д.), делившим интересовавший их массив населения по важным для себя критериям. Обосновывается вывод, что выделяемые ими группы населения нельзя назвать этническими в привычном для нас представлении. Затем рассматривается имеющее место быть в текстах национальных историй (как академическом, так и публицистическом вариантах) механизм «этнизации» встречаемых в источниках наименований различных групп населения и превращения их в «этнонимы». Отсылки к особому «средневековому этносу» рассматриваются как попытки найти этничность там, где ее нет. Особое внимание уделяется феномену религиозной идентичности в домодерных обществах. Показывается принципиальное отличие «религиозности» от этничности. Главным в традиционных религиях являются не догматы, а согласие на выполнение обрядов, что обеспечивает, прежде всего, политическое единство. Не систематизируемые и не контролируемые государством культурные последствия хрупкого и, как показывают многочисленные примеры, относительно недолговременного политического единения имели в традиционном мировоззрении второстепенное, побочное значение. Следовательно, общая религия не рождала представлений об общей культуре. Сама мысль о религии как «этническом маркере», видимо, имеет истоки в интеллектуальных конструкциях эпохи модерна, когда национализм не только победил религию, но и включил ее в орбиту своего влияния, породив феномен «национальных религий». В заключение статьи приводится мысль о том, что продолжать искать «черную кошку в черной комнате» (этничность в домодерных обществах) исследователей заставляют не столько политические факторы, сколько их собственные усвоенные в семье и школе мировоззренческие представления.

Ключевые слова: домодерные общества; идентичность; национализм; национальные истории; религия; этничность.

CONCERNING THE «MAIN MYTH» OF NATIONAL HISTORIES (PRE-MODERN ETHNO-NATIONAL COMMUNITY)

In the article the author investigates the scholarly validity of the practice of appeals to the concepts of «peoples», «ethnicity» and «nationality» in the narratives of national history of Tatarstan dedicated to pre-Modern epochs. The author distinguishes between the family-clan (tribal), territorial, religious, and ethnic identity per se and raises the question of whether it was possible that the perceptions of «peoples» in the modern («Russian») sense of this term existed in traditional societies. Based on the materials of medieval sources, the mechanism of classification of the population is investigated. A greater part of the analysis is dedicated to the classifiers (from an ordinary member of the community, travelers, intellectuals to chroniclers, etc.), who divided larger groups of population according to the criteria important for them. As a result, the author concludes that these groups cannot be considered ethnic in conventional terms. Then the author examines the mechanism of «ethnization» of the names of various groups encountered in the sources and their conversion into «ethnonyms» in the academic and journalistic texts of national histories. The references to a specific «medieval ethnic group» are regarded as attempts to find ethnicity where it does not exist. The author draws particular attention to the phenomenon of religious identity in pre-modern societies and reveals a fundamental difference between «religiosity» and ethnicity. Dogmas are not the most important part in traditional religions, but rather the consent about the performance of rituals, which maintains primarily political unity. Being not systematized and controlled by the state, cultural implications of fragile and short-lived political union took the second place in the traditional worldview. Consequently, common religion did not engender perceptions about shared culture. The very idea of religion as «ethnic marker», apparently, has origins in the intellectual structures of the modern epoch, in which nationalism not only won religion, but also included it in its orbit of influence, thus giving rise to the phenomenon of «national religions». In conclusion, the article carries the idea that continuous attempts of the researchers

to seek «a black cat in a dark room» (ethnicity in pre-modern societies) are determined not only by political factors, but also by their own ideological views stemming from family backgrounds and school lessons.

Keywords: pre-modern societies; identity; nationalism; national history; religion; ethnicity.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иноземцев В. А.* Испытание культурой // Сейла Бенхабиб. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. VII–XXX.
2. *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (II – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
3. *Канжунгу Ожвалду Жозе.* Особенности самосознания африканцев в контексте родовых традиций и современных тенденций образования этноса (на материалах изучения менталитета ангольцев): Автореф. дис. канд. псих. наук. М., 2011. 24 с.
4. *Овчинников А. В.* «Народы» в реалиях традиционной культуры: объективная реальность или «главный миф» национальных историй? // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 18. С. 307–312.
5. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
6. *Султанов И. Р.* Право народов на самоопределение и опыт его реализации: политико-правовой анализ: дис. канд. полит. наук. М., 2001. 214 с.
7. *Топычканов П. В.* Формирование статуса религиозных меньшинств Южной Азии во второй половине XX – начале XXI веков (на примере Индии и Пакистана): дис. канд. ист. наук. М., 2009. 305 с.

REFERENCES

1. Inozemcev Vladislav. “Ispytanie kul’turoj”, in Sejla Benhabib (ed.), *Pritjazanija kul’tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global’nuju jeru*. Moscow: Logos Publ., 2003. P. VII–XXX. (in Russian).
2. Iskhakov Damir, Izmajlov Iskander. *Jetnopoliticheskaja istorija tatar (II – seredina XVI vv.)*. Kazan’: RItZ “Shkola” Publ., 2007. 356 p. (in Russian).
3. Kanzhungu Ozhvaldu Zhoze. “Osobennosti samosoznaniya afrikancev v kontekste rodovyh tradicij i sovremennyh tendencij obrazovanija jetnosa (na materialah izuchenija mentaliteta angol’cev)”. Abstracts of Diss., Moscow Pedagogical University, 2011. 24 p. (in Russian).
4. Ovchinnikov Alexandr. “«Národy» v realijah tradicionnoj kul’tury: ob’ektivnaja reaPnost’ ili «glavnyj mif» nacional’nyh istorij?”, *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* 17 (2014). P. 307–312. (in Russian).
5. Redkliff-Braun Al’fred Reginal’d. *Struktura ifunkcii v primitivnom obshhestve*. Ocherki i lekicii. Moscow: Izdatel’skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 2001. 304 p. (in Russian).
6. Sultanov Il’shat. “Právo narodov na samoopredelenie i opyt ego realizacii: politiko-pravovoj analiz”. Diss., Russian Presidential academy of state service, Moscow, 2001. 214 p. (in Russian).
7. Topychkanov Petr. “Formirovanie statusa religioznyh men’shinstv Juzhnoj Azii vo vtoroj polovinė XX – nachale XXI vekov (na primere Indii i Pakistana)”. Diss., Moscow State University, 2009. 305 p. (in Russian).

II. Вариации национализма: политические и конфессиональные координаты

Идея патриотизма и ее итальянские истоки¹⁴²

Юсим М. А.

Слово «патриотизм» возникло впервые в Европе, и Италия вместе с Грецией является его родиной. Однако у всех народов и у всех людей есть свои «патриотизмы», то есть любовь к тому месту, где они родились.

Во всяком случае, само это слово и связанные с ним представления входят в арсенал европейской культуры, и по мере ее утверждения в Новое время они распространились и в других регионах мира. Поскольку сегодня идея патриотизма в своих разных приложениях (национальный вопрос, суверенитет, право наций на самоопределение, «воспитание патриотизма») довольно актуальна, мне кажется интересным исследовать, какое значение и с какими вариациями вкладывается в это слово и как по-разному может пониматься патриотизм.

Что касается Италии, то достаточно сослаться уже на этимологию понятия «патриотизм», которое восходит к латинскому слову «*patria*», то есть «отечество» и в широком смысле означает любовь к отечеству («к отеческим гробам», по выражению поэта), готовность отстаивать его интересы, его территорию, часто даже ценой собственной жизни («*Dulce et decorum est pro patria mori*»).

Эти пункты были разработаны в древнеримской идеологии и так или иначе связаны с республиканским строем, потому что отечество – это все-таки общее достояние, хотя позднее появились такие варианты, как «престол-отечество», «за царя и отечество», дополняющие «жизнь за царя». Это уже два варианта политического понимания патриотизма: патриотизм как отстаивание интересов народа – «блага народа», общего блага (например, патриотизм солдат Французской революции – «вперед, сыны Отчизны милой», кстати, явно подражающий античному идеалу) и монархический патриотизм вассально-служилого толка (который мог вдохновлять как раз противников упомянутых санкюлотов).

Если углубляться в нюансы, то, пожалуй, окажется, что «патриотизмов» – бесчисленное количество, то есть как минимум столько, сколько есть отечеств, мест обитания коллективных индивидов, не говоря уже об изменениях наполнения понятия «патриотизм» в истории со сменой эпох и поколений и собственно о различиях в социальной, политической, культурной, художественной, конфессиональной и прочих его трактовках.

Если отталкиваться от самых общих смыслов и возводить понятия к более широким классам, то применительно к патриотизму получается, что это одно из проявлений самого основного чувства, присущего всему живому – ощущения «Я», эгоизма, которое определяет наши поступки со всевозможными преломлениями. В случае патриотизма это – чувство причастности к коллективу, рождающееся в человеческих обществах на этнической и политической почве; это одна из высших ценностей, вытекающая из инстинкта продолжения рода, одного из главных инстинктов эгоизма, наряду с самосохранением.

¹⁴² Для работы с текстами Макиавелли использовался электронный сайт www.intratext.com, основанный на итальянских изданиях его трудов 1971–1972 гг.; «История Италии» Гвиччардини цитируется в переводе автора статьи по изданию: Guicciardini F. Storia d'Italia / A cura di Silvana Seidel-Menché. Torino, 1971.

Патриотизм – одна из высших моральных ценностей, при этом патриотизм, как чувство национальной обособленности, у разных народов бывает выражен с прямо противоположным знаком, поэтому к общечеловеческим ценностям его можно относить, наверное, с большой натяжкой.

Не буду углубляться дальше в общие рассуждения, связанные с патриотизмом. Сказано достаточно, чтобы понять, что изучение патриотизма может и должно сопровождаться историческими исследованиями зарождения и бытования этого понятия в разных местах и в разное время.

Как я уже упомянул, современное понимание патриотизма восходит к раннему Новому времени и связано с появлением в Европе национальных государств или гражданских наций, объединенных более или менее ограниченной территорией, собственной властью, правительством, административной системой, законами, языком и произрастающими на его почве культурными феноменами.

В таком, более узком, понимании идея патриотизма довольно молода и насчитывает от силы две-три сотни лет; применительно к XVI–XVII вв. правильнее говорить о ее зарождении и формировании, поскольку она сменяет более ранние, средневековые представления о гражданском (человеческом, цивилизованном) обществе, этносе и власти, из которых тоже вытекал своего рода патриотизм или любовь к своим корням.

Поскольку в Италии раньше всего стали происходить перемены, ведущие к Новому времени, и не только и не столько в экономической и социальной сферах, сколько в первую очередь в духовной, логично предположить, что и в части патриотических идей итальянцы оказались «впереди всей Европы». Действительно, в Италии не был полностью забыт ни римский республиканизм, ни тем более величие Римской империи, которое так или иначе пытались возродить на протяжении Средневековья. Но к этому добавилось и центральное положение Рима как столицы западного христианства.

Общеизвестно, что по меньшей мере до Ренессанса, а возможно и до начала XIX в. в раздробленной Италии локальный патриотизм преобладал над общеитальянским (что дает о себе знать и по сей день). Население Апеннинского полуострова делилось на «нации» в средневековом смысле этого слова («нация» как «жители более или менее самостоятельных исторических областей» – венецианцы, флорентинцы, ломбардцы); но «нацией» называли и семью. Еще более важной была принадлежность к городу, потому что все города, даже самые мелкие, постоянно враждовали и вели войны между собой.

Патриотические нотки в суждениях об Италии в целом можно найти и у Данте, и у Петрарки, но на рубеже XVI в. эта тональность усилилась – вероятно, с началом Итальянских войн, которые, правда, не привели к созданию итальянской нации в современном смысле слова, но стали предпосылкой ее формирования. Обычно этот процесс связывают с эпохой Рисорджименто, но, говоря об истоках, вспоминают именно начало заката Возрождения, и прежде всего Макиавелли и Гвиччардини.

Опираясь на их тексты, я хочу указать некоторые характерные черты этого специфического итальянского ренессансного патриотизма.

Во-первых, это отнесение всех неитальянцев к варварам. Французы (галлы) прежде всего выступают в этой роли (понятно почему – началом Итальянских войн послужил приход Карла VIII в 1494 г.), но это также и немцы, испанцы и прочие народы.

Можно счесть эту военную тематику другой особенностью итальянского патриотизма того времени, правда, патриотизм исторически всегда связан с войнами, и эта черта не очень специфична. Патриотические идеи питались войной, все современные нации рождались в войнах, и чаще всего в качестве объединителей выступали монархи, искоренявшие врагов внешних и внутренних.

Во всяком случае, осуждение наемничества, широко известное по трудам Макиавелли, прямо вытекает из противопоставления корыстных и ненадежных «солдат» народной «милиции» ополчению.

От этого можно перейти к следующей черте, связанной тоже со стереотипом, восходящим к античности, но широко распространившимся позднее – стереотипом «неиспорченного дикаря», представляющим собой обратный по отношению к «варварству» принцип, принцип верности природе, основанный на идее порочности городской цивилизации, на предпочтении простых и отчасти грубых нравов изнеженности и утонченности и т. п. Этот мотив представлен у Макиавелли, но он, сопоставляя язычество с христианством, ограничивается призывами истолковывать последнее в духе доблести, не оставляя мир на растерзание «мерзавцам». Это все же аргумент в пользу «варваров» и в укор итальянцам.

Отсюда, кстати, четвертая сторона итальянского патриотизма, связанная с религией. У Макиавелли, как и у Гвиччардини, много критических замечаний в адрес папства: он один из первых упрекнул пап в том, что они сами не могли, а другим не дали объединить Италию. Это, действительно, особенность итальянского патриотизма (которая проявила себя и в эпоху Рисорджименто), потому что в Средние века и до них верования служили духовной опорой для народов, и, прежде всего, в их противостоянии другим. Христианский монотеизм, в частности, вырос из этнической религии евреев. Христианская вера могла служить знаменем для этноса во многих случаях, от протестантизма до православия, но в Италии случилось иначе. Католицизм имел изначально универсалистские претензии (начиная с названия), но исторически он сыграл роль национальной итальянской религии. Теперь можно, наконец, перейти к пятой особенности, которую вполне можно было бы и следовало бы, вероятно, считать первой и основополагающей для общеталианского патриотизма, – к римскому наследию. Воспоминание о величии Рима, о временах империи, когда Италия диктовала свою волю всей ойкумене, всегда служат фоном для патриотических всплесков в текстах итальянских писателей; этот мотив прослеживается и в других вышеперечисленных пунктах. Варварам противопоставлялись римляне, у которых до поры до времени. была своя «народная», т. е. как бы мононациональная армия (Макиавелли предлагает заменить наемное войско ополчением).

Стереотип испорченности цивилизации также восходит к римским писателям. Даже локальный патриотизм опирался на римский – Флоренция как дочь Рима.

Церковь, наконец, это Римская церковь, один из образов Рима, второй или пятый, а Рим – глава мира (Roma – caput mundi).

Шестая черта – культурное строительство на основе литературы, раннее (с XIV в. Ренессанс) итальянское движение, но и общеевропейское. Искусственное строительство культуры по утраченному образцу. Культура всегда подражательна, она произрастает на готовой интеллектуальной почве. Она цитатна. Творчество подражает природе или прежним образцам, классике. В Италии создание национальной культуры началось параллельно возвращению к античной литературе, прежде всего, латинской.

О нарративах – я бы хотел проиллюстрировать то, как отразились вышесказанные особенности итальянского осмысления национальной идеи в языке XVI в., на паре примеров из Гвиччардини. Это самые характерные черты – отношение к варварам и понятие отечества.

1. О выборах папы Адриана (голландца) в 1522 г. *История Италии*, кн. 14, гл. 12: «В итоге единогласным решением Адриан был избран папой, хотя сами участники голосования не смогли бы объяснить, по какой причине в годину таких тревог и опасностей для Церкви они избрали понтификом варвара из далекой страны, в пользу которого не говорили ни прежние заслуги, ни договоренности с другими кардиналами, едва знавшими его по имени; он никогда не бывал в Италии и не имел намерений или надежд когда-либо ее увидеть». Здесь

прочитывается удивление и восприятие Италии как центра мира, по крайней мере, христианского. И церковь здесь отождествляется с ней.

История Италии, кн.15, гл. 3. О том же папе: «По кратковременности своего правления или по его неопытности он оставил по себе бледную память, но курии кончина папы была необыкновенно приятна, ибо ее члены желали видеть на его троне итальянца, или хотя бы особу, воспитанную в Италии».

2. *Об отечестве. История Италии*, кн. 14, гл. 13 (О защите Милана от французской армии). «Но на удивление действенными оказались и проповеди монаха ордена св. Августина Андреа Барбато, который при большом стечении народа призывал жителей защищаться и освободить отечество от ига злобных варваров... он также говорил о подвигах их предков, которые покрыли себя славой перед всей Италией, о том, что люди должны оберегать свое отечество, ведь если язычники только ради славы добровольно шли на смерть, то как же должны поступать христиане, памятуя о том, что павшим при защите столь святого дела помимо земного признания уготована вечная жизнь в царстве небесном...». Сначала монах вспоминает о временах Ломбардской лиги, противостоявшей Фридриху Барбароссе, но затем приводит в пример и язычников, прежде всего римлян времен республики.

В заключение характеристики итальянского патриотизма, имевшего все-таки республиканский оттенок и связанного с понятием общего блага, надо сказать, что именно он повлиял на новоевропейский круг соответствующих идей – достаточно напомнить о риторике Французской и Американской революции, к которым римская символика перешла скорее через посредничество итальянского Ренессанса.

Вместе с тем крайний национализм (фашизм) победил именно в тех странах, которые оставались слишком долго верны универсалистским традициям, а проще говоря, долго не объединялись; в них долго накапливалось чувство национально-политической ущемленности, которое проявилось в XIX–XX вв., но прорывается в разных местах с прежней силой и в наше время.

* * *

УДК 94(450) «1492/1914»+172

ЮСИМ МАРК АРКАДЬЕВИЧ. Д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва.

MARK YUSIM. PhD, Leading Research Fellow, Institute of World History of the The Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: youssimm(a)mtu-net.ru.

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА И ЕЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ИСТОКИ

Есть слово «патриотизм» и идея патриотизма, которые близки, но не тождественны друг Другу. Слово восходит к античности и распространилось как термин европейской культуры; идея «любви к родине» вытекает из природы феномена, сегодня именуемого «идентичностью», точнее, из этнической самоидентификации.

И как слово, и как явление патриотизм историчен, то есть многообразен в своем историческом бытовании, его наполнение связано с важнейшими чертами жизни народов. Прежде всего, с политикой: есть республиканский патриотизм полисного толка, есть монархический вассально-служилый патриотизм. В традиционных обществах патриотизм был по преимуществу конфессиональным, этническая принадлежность заслонялась вероисповедной. Другие элементы отдельных культур – язык, литература, искусство, в меньшей степени наука и знание, также возвращали патриотизм и питались от него.

Комплекс современных представлений о патриотизме зародился при переходе от Средних веков к Новому времени одновременно с формированием общеевропейских культурных ценностей эпохи Возрождения. В Италии строительство национального самосознания началось очень рано, но в то время не получило завершения в силу особенностей исторического развития страны. Среди них следует назвать воспоминания о римском величии в сочетании с величием католического Рима, следы античного республиканизма в итальянских городах, сам факт расцвета ренессансной культуры с оглядкой на древность. Общеитальянскую идею обсуждали в своих трудах два выдающихся политика и писателя Ренессанса, Н. Макиавелли и Фр. Гвиччардини.

Их сочинения отражают характерные черты тогдашнего итальянского патриотизма: восприятие всех иностранцев как «варваров», преобладание локального патриотизма над общенациональным, осуждение военного наемничества, критическое отношение к Церкви, свободолюбие, противопоставление неиспорченной старины и цивилизации, языковой и культурный диалог с античностью.

Ранний итальянский национализм не получил политического подкрепления в лице единого государства, что отразилось в порожденных этой неудовлетворенностью национальных движениях XIX–XX вв.

Ключевые слова: патриотизм; национальная идея; Италия; Рим; Макиавелли; Гвиччардини.

THE IDEA OF PATRIOTISM AND ITS ITALIAN ROOTS

The term “patriotism” and an idea of patriotism are close to each other but not identical. The word, going back to Antiquity, was later disseminated as a concept of European culture; the idea of love to the country is derived from a phenomenon, nowadays called “identity”, or rather from ethnic self-identification.

Both the word and the phenomenon are historically determined, i. e. multiform in their historical being; their content is interrelated with most important features of nation’s life. First of all, with politics: there is a republican patriotism of the city-state kind, there is a monarchical patriotism which supposes service to the sovereign.

In traditional societies patriotism was mainly confessional; national identity was overshadowed by the religious one. Other elements of particular cultures such as language, literature, art and, to a lesser extent, scientific knowledge bred patriotism too and were nurtured by it.

The set of modern ideas of patriotism was born in the transition from Middle Ages to Modern Times, together with the development of common values of Renaissance Europe. In Italy the construction of national self-consciousness began very early, but it was not completed because of the peculiarities of the historical evolution of the country. It is worth mentioning memories of the grandeur of Rome coupled with the authority of catholic Rome, traces of ancient republicanism in Italian cities and the mere fact of the of Renaissance culture looking back to Antiquity. The all-Italian idea was discussed in the works of two outstanding politicians and writers of Renaissance, N. Machiavelli and Fr. Guicciardini.

Their writings reflect characteristic features of contemporary Italian patriotism: perception of all foreigners as “Barbarians”, prevalence of local patriotism over the national one, condemnation of mercenary troops, criticism of the Church, love of freedom, the contraposition of uncorrupted old time and civilization, linguistic and cultural dialogue with Antiquity.

The early Italian nationalism was not sustained by a unified nation state, the fact which manifested itself in national movements and corresponding political consequences in XIX–XX centuries.

Keywords: patriotism; national idea; Italy; Rome; Machiavelli; Guicciardini.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Guicciardini Francesco. *"Storia d'Italia", A cuza di Silvana Seidel-Menchi*. Torino: G. Einaudi, 1971. in 3 Vol. 1960 p.
2. "Machiavelli, Niccolo". "<http://www.intratext.com/catalogo/autori/aut242.htm>" (date of access: 01.06.2015).

Языковой и этнокультурный фактор в формировании фламандской национальной идеи в XIX–X в.

Осколков П. В.

Существует несколько теорий формирования национальной идентичности и ее «опорной идеи». Классической является теория саморазличения Иоганна Гердера; его идеи продолжал Иоганн Готлиб Фихте: «Черты, которые позволяют этому народу называть себя просто народом, *противопоставляя себя другим племенам*»¹⁴³. Объективные критерии должны вести к детерминизму «идентитета и нации»¹⁴⁴. Формирование «фламандской идеи», на наш взгляд, соответствует теории саморазличения.

Слово «Фландрия» произошло от восточногерманского *vlieden* («бежать»). Около 800 г. в хрониках встречается слово *vlaeming*, от фризского *vlaeme* – «побег»¹⁴⁵. Предположительно, бежали фламандцы от некоего наводнения. Сейчас топоним «Фландрия» употребляется в узком значении (Фламандское графство, провинции Восточная и Западная Фландрия) и в широком (земли, населенные народом, говорящим на южных диалектах нидерландского языка). Мы будем придерживаться последнего. Также в филологической среде не принято наименование «фламандский язык». Фламандский – усредненная норма южных диалектов нидерландского языка, аккумулирующая наиболее характерные и общие для них отличительные черты и находящаяся между упомянутыми диалектами и литературным нидерландским. В конституции Бельгии государственным языком назван нидерландский.

Во времена Высокого Средневековья «саморазличать» фламандцам приходилось себя преимущественно с франкоговорящими соседями. Пик противостояния пришелся на конец XIII–начало XIV вв. – борьбу графа Фландрии Ги де Дампьера против французского короля Филиппа IV. Вскоре после триумфального визита последнего в Брюгге местные органы управления ввели новый налог, дабы покрыть затраты на прием королевской свиты. Стихийный протест против магистрата и французского наместника Жака де Шатильона возглавил ткач Питер де Конинк. На рассвете 18 мая 1302 г. около четырех тысяч французов и «коллорабационистов» были убиты¹⁴⁶. Событие вошло в историю под именем Брюггской заутрени.

Попадавшие восставшим горожане должны были произнести по-фламандски шибболет «Щит и друг» (*scilt ende vrient*). Так впервые был использован принцип отделения фламандцев от франкоязычных оккупантов по языковому признаку (французы не могли произнести фразу без акцента), что можно расценивать как начало языкового противостояния. Однако, поскольку коллаборационисты и члены городского совета были убиты, будучи фламандцами, принцип шибболета, возможно, стоит рассматривать как более позднее наслоение.

400 лет спустя фламандцы впервые почувствовали на себе *административное* языковое давление со стороны франкофонов. С 15 декабря 1792 г. в завоеванных революционной Францией Южных Нидерландах была учреждена оккупационная администрация. Фламандский перестал использоваться в администрации, в судах и школах нидерландоязычных

¹⁴³ Цит. по: Самоопределение и независимость Эстонии / под ред. А. Бертрико. Таллинн, 2001. С. 12.

¹⁴⁴ Там же. С. 13.

¹⁴⁵ *Vanneufville E. Histoire de Flandre. Fouesnant, 2009. P. 33.*

¹⁴⁶ *Свечин А. Эволюция военного искусства. М., 2002. Роль Фальтер считает, что погибших было около 120. См.: Falter R. België: een geschiedenis zonder land. Antwerpen, 2011. P. 107.*

департаментов, таблички с названиями улиц и вывески на фламандском снимались, а публикации и театральные постановки на этом языке были запрещены¹⁴⁷.

С 1815 по 1830 гг. и фламандцы, и валлоны находились в оппозиции к Объединенному королевству Нидерландов, куда территория современной Бельгии вошла по решению Венского конгресса. Фламандцы не считали, что говорят на одном языке с северянами; фламандское духовенство воспринимало «голландский» как «троянского коня» кальвинизма¹⁴⁸. И фламандский, и валлонский католический клир практически единогласно проголосовал против новой конституции, отказывавшей церкви в официальном статусе. В результате взаимного ожесточения двух частей Королевства разразилась революция, и в 1830 г. Бельгия получила независимость.

Шарль Рожье, один из «архитекторов» бельгийской государственности, в 1831 г. заявил: «Основной принцип эффективной административной работы – использование единственного языка, и совершенно очевидно, что единственным языком бельгийцев должен быть французский»¹⁴⁹. Армия была объявлена франкоязычной, законы публиковались только на французском языке. Утверждая, что французский – самый распространенный язык в Бельгии, руководство имело в виду бельгийскую элиту. Однако во Фландрии в 1846 г. количество франкофонов составило 3,2 %¹⁵⁰. В целом в Бельгии количество франкофонов не превышало одной пятой населения (в Валлонии для большинства населения родным был валлонский диалект/язык).

К моменту провозглашения независимости в Бельгии было пять нидерландоязычных провинций. Бельгийское государство ограничивало возможности употребления фламандского языка в существенных сферах, «заполняя» пробел организацией фольклорных фестивалей. Это позволяло представить фламандский «музейным экспонатом», но и давало «любителям фламандского» возможность объединяться. В таких условиях начало формироваться Фламандское движение. Оно зарождалось как объединение энтузиастов, испытавших влияние исторического романтизма и общеевропейской тенденции культурной эмансипации меньшинств. Фламандское движение никогда не существовало в форме единого института, это была идеология, выраженная в практических действиях. В 1840-е гг., когда нормализация отношений с Нидерландами снизила накал страстей вокруг призывов к распространению фламандского/нидерландского языка, активисты стали писать петиции против необходимости нанимать переводчика при обращении в суд и за ввод фламандского языка пока еще только в школьное обучение. С 1860-х гг. они стали требовать административной и культурной автономии.

В 1869 г. была произнесена первая речь на нидерландском в бельгийском парламенте¹⁵¹. 22 мая 1878 г. в Бельгии был принят закон, согласно которому во фламандской части страны указы и постановления государственных органов должны составляться или на фламандском языке, или на обоих (нидерландском и фламандском). Впрочем, в брюссельском аррондисмане, тогда почти полностью фламандоязычным, использование фламандского языка так и не стало законодательной нормой¹⁵². В 1898 г. нидерландский был провозглашен, наряду с французским, официальным языком бельгийской нации.

Примерно через месяц после начала Первой мировой войны германский канцлер фон Бетман-Хольвег дал указание оккупационной администрации в Брюсселе оказать поддержку

¹⁴⁷ Falter R. België. P. 268.

¹⁴⁸ De Vries J. et al Het verhaal van een taal. Amsterdam, 1993. P. 115.

¹⁴⁹ Цит. по: Beheydt L. Delen Vlaanderen en Nederland een culturele identiteit? // Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid. Leuven, 2002. P. 29.

¹⁵⁰ Reynebeau M. Het klauwen van de leeuw. Leuven, 1995. P. 113.

¹⁵¹ De Vries J. et al. Het verhaal van een taal. P. 113.

¹⁵² Luyckx Th. j Platel M. Politieke geschiedenis van België 1789–1985. Mechelen, 1985. P. 162.

Фламандскому движению: с улиц фламандских городов исчезли франкоязычные таблички, осенью 1916 г. был впервые переведен на нидерландский язык обучения Гентский университет, под руководством ученого Аугуста Вормса в 1917 г. был создан Совет Фландрии, признанный в качестве фламандского правительства. В планах содержались рекомендации «уступить» франкоязычную Бельгию Франции, а Фландрию вместе с Нидерландами включить в состав Германии как графство или герцогство¹⁵³.

Если во время войны на фламандских коллаборационистов смотрели с недоумением, вскоре после ее окончания они стали героями. Это было связано с тем, что бельгийское правительство отменило все уступки национальным требованиям фламандцев, сделанные оккупантами, а также с положением фламандских солдат на фронте. В 1913 г. был принят закон об использовании в армии фламандского языка, однако в 1914–1918 гг. он не соблюдался. Фламандцы составляли почти 90 % солдат и нижних чинов бельгийской армии¹⁵⁴, в то время как офицерский корпус был укомплектован преимущественно валлонами. Последние отдавали на французском приказы, которых не понимали солдаты-фламандцы.

Правительство Бельгии заявило о невозможности перевода Гентского университета на нидерландский язык обучения после войны одновременно с таковым переводом, осуществленным немецкой администрацией. Это вызвало возмущение т. н. «Фронтového движения», однако открытое письмо королю Альберту I вызвало лишь репрессии. Последовал окончательный разрыв с иллюзией сосуществования

Фламандского движения и унитарного бельгийского государства. Была образована Фронтová партия, которая в 1921 г. впервые приняла участие в выборах, а в 1929 г. получила 11 мест в парламенте¹⁵⁵. В октябре 1933 г. сформировался Фламандский национальный союз, лидеры которого заявляли: «Фландрия – один из важнейших участков на фронте борьбы между латинством и германством»¹⁵⁶.

Когда в 1940 г. Бельгия была оккупирована Германией, фюрер склонялся к разделению Бельгии, при котором Фландрия, как германская земля, получила бы гражданское управление вместе с Нидерландами, а Валлония, вместе с Францией, – военное¹⁵⁷. Но ряд факторов склонил чашу весов в пользу установления военного режима на всей территории Бельгии.

В послевоенные годы поляризация общества персонифицировалась вокруг Леопольда III. Присутствие короля, насильственно вывезенного в Германию, не устраивало социалистов; его обвинили в предательстве. Премьер-министр Ван Аккер заявил: «Фламандская, католическая часть населения – за короля, остальные – против. Возвращение короля может привести к разделению страны»¹⁵⁸. 12 марта 1950 г. правительство Эйскенса провело референдум по вопросу о возвращении короля. Результаты: 72 % голосов «за» во Фландрии и 42 % в Валлонии. В национальном масштабе перевес (57 %) получили сторонники короля¹⁵⁹. Регионально-этническая поляризация общества впервые столь резко проступила в цифровых данных. Несмотря на поддержку Фландрии, король отрекся от престола из-за давления правительства и валлонской улицы¹⁶⁰. Разочарование фламандцев вылилось в образование в 1954 г. новой фламандской националистической партии, «Народного союза».

¹⁵³ Falter R. België. P. 340.

¹⁵⁴ Намазова А. С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках. М., 2008. С. 307.

¹⁵⁵ Falter R. België. P. 352.

¹⁵⁶ Цит. по: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 50.

¹⁵⁷ Там же. С. 362.

¹⁵⁸ Velaers/, Van Goethem H. Leopold III: de koning, het land, de oorlog. Lannoo, 2001. P. 921.

¹⁵⁹ Falter R. België. P. 381.

¹⁶⁰ Vos L. Van Belgische naar Vlaamse identiteit // Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid. Leuven, 2002. P. 18.

В 1960-е гг. правительство Лефевра-Спаака попыталось снизить напряженность между валлонами и фламандцами путем принятия новых языковых законов. Они были направлены на закрепление одноязычия каждой провинции; что подразумевало официальное определение языковой границы. Именно тогда возникли проблемы с некоторыми коммунами в т. н. Брюссельской периферии: преимущественно франкоязычные; они находились во фламандском окружении. В 1963 г. был достигнут компромисс: Фландрия и Валлония становились одноязычными; регион Брюссель-Столица двуязычным; а из десятков административных единиц во Фламандском Брабанте франкоязычные школы «переехали» в соседние валлонские провинции.

Фламандское движение также потребовало разделения по языковому принципу Левенского католического университета; находившегося во Фландрии. Франкоязычная профессура оказала этому сопротивление: в случае переезда франкоязычного отделения в Брюссель ему бы пришлось конкурировать с местным Свободным университетом¹⁶¹. Фламандские преподаватели и студенты выдвинули лозунг «Долой валлонов». В 1968 г. Левен стал ареной физического противостояния между фламандскими и валлонскими студентами и профессорами. Университет был разделен на две части; в 1970 г. эта же судьба постигла Свободный университет Брюсселя.

В 1970 г. правительство Эйкенса пересмотрело конституцию страны установив протофедералистскую структуру; которая закладывала основу современного состояния (при этом страна официально оставалась унитарной): были созданы три региона (по экономическому принципу) и три сообщества (по культурно-языковому принципу). Согласно декрету от 10 декабря 1973 г. нидерландский язык стал официальным языком Фламандского сообщества. Сообществам была предоставлена культурная и языковая автономия.

Таким образом; мы видим, что; обладая большим опытом противостояния более крупным соседним языкам и находясь долгое время в «подавленном» состоянии; нидерландский язык в Бельгии стал одним из основных факторов культурной; экономической и административной «эмансипации» Фландрии. Упомянутое «подавление» породило ответную реакцию; которая оказалась весьма успешной и привела к выполнению почти всех целей движения за национальную автономию, за исключением создания мононационального государства. Наряду с языком свою роль сыграла неотделимая от него этнокультурная самобытность, в условиях Бельгии принявшая также религиозное и политическое измерение.

* * *

УДК 94(493) «18/19»+ 323.17

ОСКОЛКОВ ПЕТР ВИКТОРОВИЧ. Магистрант, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва.

OSKOLKOV PETR. MA student, Moscow State Institute of International Relations, Moscow.

E-mail: petro školko v(a)yandex.ru.

ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ФЛАМАНДСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В XIX–XX ВВ.

Планируется рассмотреть роль языкового и этнокультурного фактора в формировании фламандской национальной идеи с момента возникновения независимого Королевства Бельгия. В независимой Бельгии единственным официальным языком был объявлен французский, и фламандцы, составлявшие в некоторые годы до 55 % населения, чувствовали себя

¹⁶¹ Falter R. België. P. 393.

ущемленными. Фламандская культура в XIX в. сводилась бельгийским государством к культурным фестивалям и «обществам любителей фламандской словесности». Из последних сформировалось «Фламандское движение» – направление общественной мысли, ставившее своей целью поначалу лишь введение во Фландрии фламандского языка в делопроизводство и образование. Единый фламандский литературный язык в это время существовал лишь в проектах «языковых мечтателей», некоторые диалекты не были взаимопонимаемы (и остаются таковыми сейчас). Более того, для большинства энтузиастов фламандского языка и культуры в XIX в. фламандский язык не был родным.

Впоследствии «Фламандское движение» и накопленное его деятелями культурное наследие (эпические романы, повествующие о подвигах фламандских графов, монументальные памятники фламандским героям, зафиксированные на бумаге образчики фольклора) способствовали формированию институционального фламандского национализма, который уже в межвоенный период был представлен несколькими политическими партиями. Благодаря усилиям фламандских национальных партий, являющихся наследниками «Фламандского движения», во второй половине XX в. Фландрия постепенно получила административную, культурную и иную автономию, которая достигла своей высшей точки в 1990-е гг., когда Бельгия была официально объявлена федерацией. В качестве мотивов административного разделения Фландрии и Валлонии называлось не только экономическое неравенство, как это иногда представляется, но и глубокие культурно-мировоззренческие различия (извечное противостояние германцев и кельтов, усугубленное секуляризацией Валлонии и распространением в ней еще в конце XIX в. идей социализма, в то время как Фландрия оставалась в своей массе весьма консервативной).

Сейчас, когда политические партии-наследники «Фламандского движения» добиваются полной независимости Фландрии, можно с уверенностью сказать, что фламандский национализм по-прежнему опирается на сформированный фламандскими интеллектуалами XIX в. во многом мифологизированный и идеализированный образ фламандского этноса, определяющийся, прежде всего, через выраженную культурную, языковую и мировоззренческую инаковость.

Ключевые слова: Фландрия; Бельгия; Фламандское движение; языковой фактор; этнокультурный фактор; западноевропейский национализм.

LANGUAGE AND ETHNOCULTURAL FACTOR IN THE FORMATION OF FLEMISH NATIONAL IDEA IN XIX–XX CENTURIES

The article is dedicated to the role of linguistic and ethnocultural factors in the formation of the Flemish national idea from the moment of Belgian independence. In independent Belgium French was proclaimed the only official language, and the Flemings, who constituted up to 55 % of the population, felt offended. In the 19th century, the Flemish culture was reduced by the Belgian government to cultural festivals and the «unions of the amateurs of the Flemish language». On the basis of the latter, the «Flemish movement» was formed, i.e. the stream of the public thought that was at first aimed merely at introducing the Flemish language into the office-work and school system. The unified Flemish literary language existed at that time only in the projects of the «language dreamers», some dialects were not mutually understandable (and remain in the same condition nowadays). Moreover, in the 19th century, Flemish was not a mother tongue for most enthusiasts of the Flemish language and culture.

Afterwards the «Flemish movement» and its cultural heritage (epic novels describing the heroic deeds of the Flemish counts, monuments to the Flemish heroes, masterpieces of folklore) contributed to the formation of the institutional Flemish nationalism that was already represented in the interbellum with a couple of political parties. Thanks to the Flemish national parties, which inherited their ideas from the «Flemish movement», Flanders had gradually obtained

administrative, cultural and other autonomy. This process reached its peak in 1990s, when Belgium was officially proclaimed a federation. The motives for the administrative split of Flanders and Wallonia included not only economic disparities, as it is sometimes presented, but also deep cultural and worldview differences (everlasting contest between the Celts and the Germans, deepened with the secularization and the spread of the socialist ideas in Wallonia in the late 19th century, while Flanders remained mostly conservative).

Nowadays, when the political heirs of the «Flemish movement» seek to gain full independence for Flanders, we may say that the Flemish nationalism is still based on the mythologized and ideology-driven image of the Flemish ethnos mostly characterised by distinct cultural, linguistic and worldview otherness.

Keywords: Flanders; Belgium; Flemish movement; linguistic factor; ethnocultural factor; West-European nationalism.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Намазова А. С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках. М.: Наука, 2008. 391 с.
2. Самоопределение и независимость Эстонии / Под ред. А. Бертрико. Таллинн: Avita Corp., 2001. 347 с.
3. Свечин А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. 864 с.
4. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
5. Beheydt L. Delen Vlaanderen en Nederland een culturele identiteit? // *Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid*. Leuven: Acco, 2002. P. 22–40.
6. De Vries J. et al. *Het verhaal van een taal*. Amsterdam: Prometheus, 1993. 316 p.
7. Falter R. *België: een geschiedenis zonder land*. Antwerpen: De Bezige Bij Publ., 2011. 463 p.
8. Luykx Th., Platel M. *Politieke geschiedenis van België 1789–1985*. Mechelen: Kluwer, 1985. 1011 p.
9. Reynebeau M. *Het klauwen van de leeuw: De Vlaamse identiteit van de 12de tot de 21ste eeuw*. Leuven: Van Halewyck, 1995. 306 p.
10. Vanneufville E. *Histoire de Flandre*. Fouesnant: Yoran embann., impr. 2009. 344 p.
11. Velaers J., Van Goethem H. *Leopold III: de koning, het land, de oorlog*. Tiel: Lannoo, 2001. 1152 p.
12. Vos L. *Van Belgische naar Vlaamse identiteit // Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid*. Leuven: Acco, 2002. P. 11–21.

REFERENCES

1. Beheydt Ludo. “Delen Vlaanderen en Nederland een culturele identiteit?” in *Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid*. Leuven: Acco, 2002. P. 22–40.
2. De Vries Jan et al. *Het verhaal van een taal*. Amsterdam: Prometheus, 1993. 316 p.
3. Falter Rolf. *België: een geschiedenis zonder land*. Antwerpen: De Bezige Bij Publ., 2011. 463 p.
4. Luykx Theo, Platel Marc. *Politieke geschiedenis van België 1789–1985*. Mechelen: Kluwer, 1985. 1011 p.
5. Namazova Alla, BePgija. *Jevoljucija gosudarstvennosti v XVIII–XX vekah*. Moscow: Nauka Publ, 2008. 391 p. (in Russian).
6. Reynebeau Marc. *Het klauwen van de leeuw: De Vlaamse identiteit van de 12de tot de 21ste eeuw*. Leuven: Van Halewyck, 1995. 306 p.

7. *Samoopredelenie i nezavisimost' Jestonii*, ed. A. Bertriko. Tallinn: Avita Cop. Publ., 2001. 347 p. (in Russian).
8. Semirjaga Mikhail. *Kollaboracionizm. Priroda, tipologija iprojavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny*. Moscow: ROSSPJeN Publ., 2000. 863 p. (in Russian).
9. Svechin Alexandr. *Jevoljucija voennogo iskusstva*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ.; Zhukovskij: Kuchkovo pole Publ., 2002. 864 p. (in Russian).
10. Vanneufville Eric. *Histoire de Flandre*. Fouesnant: Yoran embann., impr. 2009. 344 p.
11. Velaers Jan, Van Goethem Herman. *Leopold III: de koning, het land, de oorlog*. Tiel: Lannoo, 2001. 1152p.
12. Vos Louis. "Van Belgische naar Vlaamse identiteit" in *Vlaamse identiteit: mythe én werkelijkheid*. Leuven: Acco, 2002. P. 11–21.

Поиск национальной идентичности в дискурсе каннадских интеллектуалов 1950-х–0-х гг

Еременко К. С.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. представители творческой элиты Канады очень позитивно оценивали перспективы «рождавшейся» буквально на их глазах канадской нации. В книге «От колонии к нации», впервые опубликованной в 1946 г., Артур Лоуэр предпринял попытку представить движение Канады от статуса зависимой территории Великобритании к статусу независимой нации североамериканского континента как эволюционный процесс, которому были свойственны естественность, линейность и постепенность. По свидетельству историка Дж. Брауна, в этот период страна демонстрировала «признаки культурной зрелости»¹⁶². «Канадцы сегодня, как никогда прежде, осознают, что Канада вступает в ряды других наций мира, – писал историк, – Они могут по-разному оценивать ее роль. Они могут по-разному смотреть на ее средства и ближайшие цели, но они воспринимают как данность тот факт, что у нее, как и у других наций, есть собственная роль...»¹⁶³. Менялось отношение канадцев к достижениям своих соотечественников в различных сферах культуры. Малькольм Росс находил многочисленные свидетельства того, что Канада пробилась сквозь собственную «скорлупу культурного колониализма»¹⁶⁴.

Кроме того, как отмечали современники, канадцы буквально пристрастились к самоанализу, о чем можно было судить по огромному количеству книг, статей, опросов общественного мнения и дискуссий на радио, затрагивавших национальную тематику. Сам факт того, что канадцы все чаще задавали себе вопрос «Кто мы?», являлся подтверждением этого «национального пробуждения». Как утверждает У. Грининг, после окончания Второй мировой войны «настоящий канадский национальный дух, преодолевающий провинциальные и региональные границы», становился все более заметным, а канадцы постепенно утрачивали «свой глубоко укоренившийся комплекс неполноценности перед такими странами, как Великобритания, Франция и США»¹⁶⁵. По его словам, выход в свет доклада Мэсси даже привел многих канадцев к осознанию того, что некоторые их политические, правовые и образовательные институты в отдельных аспектах превосходят аналогичные учреждения Соединенных Штатов и что они «достойны сохранения даже ценой значительных усилий и самопожертвования»¹⁶⁶.

Однако ко второй половине 1950-х гг. происходит явная смена общественного настроения: тенденции, наблюдающиеся в экономической и культурной жизни страны, заставляют канадцев все чаще выражать беспокойство по поводу потери своей национальной идентичности, которая еще не успела обрести определенную форму и потому была особенно подвержена опасным веяниям извне. «Потерять идентичность – вот что действительно нас пугает. Я полагаю, что эта идентичность является очень хрупкой и что ее укрепление целиком зависит от смелых свершений в будущем», – писал в 1957 г. известный канадский эколог Пьер Дансеро¹⁶⁷.

¹⁶² Brown G. W. Canada in the making. Seattle, 1953. P. VI.

¹⁶³ Ibid. P. 5.

¹⁶⁴ Ross M. The impossible sum of our traditions: reflections of Canadian literature. Toronto, 1986. P. 120.

¹⁶⁵ Greening W. E. Canada's slow road to national maturity // *Culture*. Vol. 17. № 3. 1956. P. 247.

¹⁶⁶ Ibid. P. 248.

¹⁶⁷ Dansereau P. Culture is what we are concerned with // *Canadian Commentator*. Vol. 1. № 9. 1957. P. 6.

Кризисное состояние канадской идентичности очень часто объяснялось, исходя из ее внутренних особенностей. В печати и в публичных выступлениях стал обсуждаться «комплекс неполноценности», присущий канадцам как нации, приводились многочисленные факты того, что лучшие люди покидают страну в поисках славы, денег, комфортной жизни, как правило, обретая все это к югу от границы. «...Любят ли на самом деле канадцы свою страну? Я не думаю, что многие из них ее любят, – размышлял канадский писатель Хью Гарнер. – Мы, канадцы, страдаем самым большим комплексом неполноценности в мире»¹⁶⁸. Некоторые полагали, что прямым доказательством существования этого комплекса служат постоянные рассуждения канадцев о собственной уникальности, столь характерные для начала 1950-х гг.

Тот факт, что канадскую национальную идентичность никак не удастся описать или сформулировать в ясных позитивных терминах, вызывал особенно горячие дискуссии среди интеллектуалов. В прежние годы этому находился целый ряд объяснений: об идентичности зачастую рассуждали как о предмете едва уловимом и трудно объяснимом – «смутной, неосознанной и беззвучной вещи, находящейся выше наших возможностей выразить и даже называть»¹⁶⁹, и в этом свете отсутствие четких представлений о том, что собой представляет канадская национальная идентичность, выглядело понятным и нормальным. «...Никто не может дать определение канадскому характеру, – размышлял Брюс Хатчисон. – Но ведь на самом деле ничто важное в жизни и не поддается определению. Если какое-то явление поддается определению, мы можем быть уверены – оно не слишком важно. Так что нам не нужно извиняться... за то, что мы не можем объяснить жизнь Канады как химическую формулу»¹⁷⁰. Теперь же многие полагали, что эта неопределенность скорее является патологией и свидетельствует о кризисном характере канадской идентичности или же вовсе указывает на ее отсутствие.

Причины кризисного состояния национальной идентичности канадцев в этот период наиболее часто ассоциировались с воздействием внешних, а не внутренних факторов, а именно – с влиянием США. Звучали предостережения, что впереди Канаду ждет превращение в интеллектуальную и духовную колонию Соединенных Штатов. Известный канадский ученый Г. Иннис, анализируя бурное развитие американо-канадских экономических отношений, даже предложил в 1956 г. несколько преобразовать предложенную А. Аоуэром траекторию развития Канады. В новых условиях Г. Иннис полагал, что страна стремительно возвращается к статусу колонии, на этот раз – американской (*colony-to-nation-to-colony*)¹⁷¹. Сам Аоуэр также высказывал опасения по поводу того, что американское присутствие во всех сферах канадской жизни поставило его страну как самостоятельную общность на грань исчезновения, критиковал вялость и неспособность канадцев к защите собственной идентичности¹⁷².

¹⁶⁸ Garner H. The phony cult of canned Canadianism // *Macleans*. Vol. 73. 21 May 1960. P. 8.

¹⁶⁹ Hutchison B. The Canadian personality // *Our sense of identity: a book of Canadian essays* / Ed. by M. Ross. Toronto, 1954. P. 45.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Innis H. A. Great Britain, the United States and Canada // Innis M. Q. (ed.) *Essays in Canadian economic history*. Toronto, 1956.

¹⁷² Lower A. R. M. The question of the national television // *Canadian Forum*. Vol. 34. March 1955. P. 274–275.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.